

ОТКРОВЕННО О СОКРОВЕННОМ

МУЖЧИНЫ БЕСЯТСЯ

сборник рассказов

ИРИНА КРИЦКАЯ

Постель — это единственное место, где
человека можно узнать за пятнадцать минут

Откровенно о сокровенном. Проза И. Крицкой

Ирина Крицкая

Мужчины бесятся (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крицкая И. Л.

Откровенно о сокровенном. Проза И. Крицкой /
И. Л. Крицкая — «Эксмо», 2016 — (Откровенно о
сокровенном. Проза И. Крицкой)

ISBN 978-5-699-83236-1

Для утреннего тонуса Василию обязательно нужно запугать подчиненных; для бодрости и самоуважения – всласть поругаться с партнерами по бизнесу; а в вечернем меню – скандал с женой. И вот тогда день прожит не зря... А другой мужчина начинает беситься из-за любого проявления несовершенства мира, третий заиклен на собственной внешности, Малыш выносит мозг любимой девушке из-за того, что его недостаточно любят. Узнаете? И после этого вы все еще уверены, что истерики устраивают только женщины?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83236-1

© Крицкая И. Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Стриптиз на Майорке	6
1. Клиника	6
2. Автобус	8
3. пляж	11
4. Кафе	15
5. Ресторан	19
6. Мама	22
7. Стриптиз	25
8. Кислота	28
Стамбульский папа	31
1	32
2	35
3	37
4	39
5	42
6	44
Мальш	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Крицкая

Мужчины бесятся (сборник)

© Крицкая И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мне опять сказали, что я истеричка. Какая бессовестная! Нагрубила по телефону милому доктору, а он, между прочим, самый лучший косметолог в нашем городе.

«Да... И нужно быть овцой последней, чтобы в твоём-то возрасте грубить косметологам. Доктор ждёт, консультацию из-за тебя отменяет, а ты не едешь, ещё и в трубку ему орешь...» – это все мне предъявила одна моя знакомая, Алена. И что я могла ей ответить?

– Быть такого не может! – я ей сказала.

– Даже в приемной слышали, как ты кричала.

Вот это вранье, однозначно. Я давно заметила – у Алены есть манера немножко преувеличивать. «Ничего не хочу, передумала» – это я могла сказать. Но чтобы я?.. Говорила врачу: «Пусть он возьмет свой коллаген и сам себе в губы загонит»?..

– Абсурд, – я ей так и сказала, – не в моем стиле, я в трубки никогда не кричу.

Алена усмехнулась и начала цитировать: «Меня не волнует ни рожа, ни кожа! Когда я выглядела идеально, на меня всем было наплевать! Кто меня носил на руках? Никто. И зачем тогда сейчас мне эта ваша... гиалуроновая кислота? Да лучше я пойду на кухню и сожру кастрюлю пельменей. Да! Я буду мстить! Нажрюсь и лягу спать. Я ничего я не хочу! И красота мне ваша не нужна, синтетическая... И любовь ваша поганая мне не нужна, и секс ваш телячий сто лет мне не нужен... Я вообще ничего не хочу! Я даже кино свое любимое разлюбила, про двух мальчиков и одну девочку».

– Ты бы слышала, – Алена улыбнулась, – как веселился ресепшен.

– Клевета, – я ответила. – И вообще... Я не люблю пельмени.

– Ты не любишь пельмени? – она усмехнулась.

– Да, – сказала я и даже глазом не моргнула, – не люблю.

В этих показаниях верно лишь одно – я действительно должна была явиться на прием к косметологу, но потом у меня испортилось настроение. Скорее всего я не выпалась. А может быть, сильно проголодалась. И если даже пошумела немножко – имею право, я женщина, а кого, скажите, в наше время удивляет женская истерика? Никого не удивляет, все привыкли. Поэтому, я полагаю, милый доктор на меня не обиделся. И вообще в этой книжке женские срывы – не главное. Эти десять рассказов я написала, чтобы рассказать о том, как бесятся мужчины.

Стриптиз на Майорке

1. Клиника

Максим, врач-косметолог, сидит в своем зеленом кабинете и ждет клиентку, то есть меня. Процедура была запланирована не сложная, всего-то несколько инъекций. Для начала. А там уж только попадись к нему в руки...

Мне было назначено на три, у доктора все было готово, а я опаздывала и не звонила. Почему, почему... Потому что! Я уже передумала, но еще не до конца.

В кабинет к Максиму заглянула администраторша. Спросила на всякий случай:

– Максим Валентинович, вы не заняты? Возьмете женщину, очень просится к вам на консультацию?

– Не возьму, – ответил он. – У меня пациентка.

Времечко было три двадцать, а я даже не выдвигалась из дома. Варила пельмени и наворачивала сметану прямо из банки. Хотя ничто такой беды не предвещало.

Я не знала, как быть. Освежиться хотелось, но дух противоречия проснулся. Может, я и мымра, но нравлюсь себе, несмотря на все врожденные пороки. Вот так вот я стою и размышляю, пельмешки закипают, а время идет.

Вообще-то на прием к Максиму опаздывать не принято. Тем более в мае, когда все девушки срываются с цепи. График приема расписан на месяц, потому что Максим очень хороший врач. Ему тридцать два, но он уже считается одним из лучших специалистов по красоте. Да, все эти пухлые губки, гладкие лобики, румяные щечки – все это его рук дело. Он держит в тонусе – и женщин, и мужчин, все клиенты у него на ниточках. Еще не знаете? Ниточками он называет филлеры, жидкие нити, которые протягивают под кожей, чтобы она была свеженькой, несмотря ни на что.

В последнее время народ повалил. Все хотят приподнять уголками кверху свои недовольные губенки. В приемной у Максима всегда сидит парочка прошитых девочек. Не старых, что вы! Клиенткам нет и тридцати. Эти дамы могут свободно выговаривать – «гиалуроновая кислота». Это они и разносят по городу слухи о том, какой он хороший доктор. И каждая куколка называет его фамильярно – Макс, хотя детей с ним ни одна не крестила. «После Макса никаких побочных эффектов. С ним так спокойно, он все, все, все тебе расскажет, все объяснит, успокоит. Кстати, он голубой, наверно, поэтому он так хорошо понимает женщин».

Вот эта вот последняя информация всегда бежала впереди: сначала гей, а потом уже хороший доктор. Может быть, это играло роль дополнительной рекламы, но скорее только отнимало у Макса время. Все клиентки считали возможным рассказывать доктору о своих личных переживаниях, и ему приходилось заниматься психотерапией бесплатно.

Нет, на мой выбор врача эта деталь никак не повлияла. Мне неважно, какая у кого ориентация. В той компании, где я познакомилась с Максом, были задекларированы все: и би, и гетеро, и гомо. Лично я вообще скатилась в категорию антисекс. Вот что значит – «не зарекайся». «Нет любви – забудь о сексе» – так я решила. И ничего! Жить стало проще и, я бы даже сказала, веселее.

Народ собрала Алена, моя новая знакомая, та, которая уверяет, что я грубила по телефону. Она работает арт-директором в стрип-клубе и заодно выполняет там те же функции, что и профсоюз.

- Хочешь на Майорку? – позвонила она мне. – Будет веселая компания.
- Конечно, – я заранее согласилась, но все равно спросила, – а кто едет?
- Стриптизерши, два гея с мамой и я.
- Нормально, – говорю, – я с вами.

А потому что людей объединяет не сексуальная ориентация, не половые признаки, не возраст и даже не деньги. Люди объединяются по интересам. А интерес был один – отдохнуть. Все пахали как кони, Макс в больнице, девочки у шеста, Алена с плеткой, я за компом – все устали и захотели отключиться. Поэтому мы с Максом и оказались в соседних креслах экскурсионного автобуса.

2. Автобус

Белый туристический автобус остановился у причала. Двери открылись у площадки под соснами. Одна за другой на асфальт стали выпрыгивать девушки. Молоденькие и спортивные. Шорты у всех короткие, стразы на попах блестят, на пупке пирсинг, на носу очки. Все на кого-то похожи, на кого – не могу вспомнить.

С ними вышла старшая, Алена. Красная майка и надпись во всю грудь – «Ай лав Майорка», это чтобы девочки ее видели в любой точке набережной, чтобы не растерялись без мамы. Алена стояла у выхода и считала всех по головам:

– Милана, Тигрица, Джессика, Синди...

Имена были клубные, под такими никами девочки выходили танцевать. На свои настоящие имена, те, которые дали им родители, они не отзывались.

Тигрица вообще запуталась, как ее звали раньше. Она меняла имя два раза. Прямо вставала и двигала в паспортный стол, чтобы Полину сменить на Олю, а потом Олю на Юлию. В итоге запутала всех и стала Тигрицей.

Для Тигрицы ей не хватило мощности, мелковата, попа как у мальчика, но пластика вполне кошачья. Грудь тоже, при узкой попке, – троечка, почему ж не Тигрица – Тигрица самая натуральная. Она тоже была постоянной клиенткой Максима.

И только одна эта Тигрица из всего стрипа умела танцевать, остальные красотки только раздевались под музыку. С общим образованием девушкам тоже не повезло, поэтому всех воспитывала Алена.

В дороге она дублировала все, что говорил гид. Например, он объяснял:

– Друзья, мы с вами отправляемся на живописный мыс Ферментер. Нас ждет красивейшая бухта, кристально чистая вода и самый свежий воздух. Паром отплывает через пять минут, поэтому, пожалуйста, организовано выходим из автобуса, не разбредаемся, следующий паром будет только через час.

Все было понятно, но Алена четким басом повторила для своих:

– Девушки, алле! Сейчас выходим. Никаких перекуров. Никаких туалетов. Строимся и топаем за мной. Все меня слышали?

– Да, Алена, – девочки отвечали, – мы тебя слышали.

– А когда в туалет?

Про туалет все время спрашивала Синди, блондиночка с проамериканской челюстью.

– Я не могу ничего удержать, – она жаловалась во всех общественных местах, – если я пью, мне обязательно нужно вылить.

В автобусе Синди выпила сангрии и начала волноваться. Макс купил целую сумку этого вина, оторвал этикетки, чтобы нас не пришили за распитие спиртного, и раздал бутылки по автобусу. Нам осталась одна на двоих, мы попивали этот испанский компот и поглядывали на окрестности. Поля желтые, горы синие, маки красные, пальмы зеленые, в наушниках испанская гитара, и в компоте даже какой-то градус. И на лицах у нас, понятно, было ликование. Ура! Мы в отпуске.

– Как и большинство древних городов Испании, – рассказывал гид, – Пальма-де-Майорка был заложен во времена Римской империи.

– Девушки, – Алена попросила сделать паузу, – поднимите руку, кто знает, что такое Римская империя?

Синди, та, у которой недержание, перекинула во рту жвачку справа налево и ответила с умным видом:

– Это Штаты, Ален.

– Открою тайну...

Алена объясняла, да так лихо, как младшим школьникам, что Римская империя – это почти то же самое, что современная Италия...

– Моника там работает, – уточнила Тигрица, и всем сразу стало понятно.

– А почему заложены? – кто-то спросил.

– Не поняла?

Алена перестала удивляться многим вещам, но быть готовой ко всему даже ей не удавалось.

– Ну, щас сказали «города были заложены»...

– Заложены, девушки, это не в ломбард, не за долги...

Всю дорогу она проводила ликбез, могла бы и не напрягаться, но у нее было призвание, ей нравилось работать пионервожатой и матерью народов. Иначе она бы просто не запомнила все эти дикие имена своих пионеров.

– Сиси, Лучия, Линда... – она всех собрала в один выводок и с наслаждением командовала.

За Линдой (простенькая такая сельская стриптизерочка была в турецких шароварах) спустился Александр, любовник Макса. Череп у Александра был бритый, с намеком на актив, очки прямоугольные, чтобы скорректировать круглое лицо, песочные бриджи сидели идеально. Маникюр, педикюр и три десяточка филлеров на лице, над ним поработал специалист, Макс над ним поработал. Да, и майка голубая была безупречно чистой, но это уже мама поработала, мама приучила Александра к порядку.

Алена и его посчитала. А ей без разницы было, где тут девочки, у которых она забрала паспорта, а где свободные люди.

– Сашуля! – Алена пробасила с шутливой улыбкой.

Он обернулся и подал руку женщине. Это была его мама. Белый костюм, красная сумочка, блондинка с хорошей стрижкой. Нет, не богемная, на вид технический работник государственного учреждения.

– Мама! – ее тоже посчитала командирша. – Мама у нас сегодня красавица!

За мамой вышел Максим. Стройный блондинчик в розовой майке. Мелированные завитушки прикрыты узкой шляпой, на джинсах художественное рванье, и очки в белой оправе из последней итальянской коллекции.

– Максюша! – и его тоже на общих основаниях посчитала командирша.

Он взмахнул в ответ своей шляпой и отошел за Сашулей, за мамой... А я стою на ступеньках, приглашенная звезда в сарафане, и смотрю на его нежную спинку, на локти... Локти и плечи у Макса были покрасневшими от солнца. Он встал в тень, под пальму, и смотрит на меня. Молодец! И после этого он советует мне немного приподнять линию бровей. Спасибо! Чтобы потом с новыми бровями я сама выпрыгивала из автобусов.

За мной столпись остальные девочки. Все ждали, когда я выйду. Алена приготовилась меня посчитать.

– Дорогая! – торопила она. – Ты забыла там что-то?

– Максим забыл, – я сказала.

– Максюша! – Алена все поняла, она ему и подсказала. – Максим! Подайте даме трап!

Он покраснел и протянул мне руку. А вот не надо мне теперь! Теперь уж я не та. Теперь меня интересуют яхты, белые яхты у причала. И чайки, толстые, как гуси. И седые горы, которые прячут бухту от штормов. И вон те вон белые виллы в горах, висящие над морем. А ваши руки, ваши плечи обгоревшие сто лет мне не нужны.

Чтобы увидеть обещанную красоту, мы поднялись по скалам высоко, под самые облака. Дорожки на обзорную площадку были скользкими, мои турецкие сандалии с подошвой из

натуральной кожи скользили на камне зверски, я держалась за Алену и смотрела вниз. Скалы врезались в море, и цвет воды становился насыщенно-синим от глубины. Если грохнешься со скалы – то все, с концами. А горизонта не было совсем, его растушевали небесной белой дымкой. И правда, все, как гид сказал, – красота невозможная, оттенки чистейшие, про воздух вообще молчу, голова кружится от кислорода.

Все сразу построились фотографироваться, все снимали очки и щурились в камеру.

Макс остановился у обрыва рядом с бордюриком, голову склонил и кротко, мило улыбнулся в камеру. Примерно так же и я улыбалась, на третий год после свадьбы.

Сашуля сделал несколько кадров и сразу посмотрел отснятое, смешно и важно выпячивая нижнюю губу.

– Ну, прелесть! – он маме показал. – Скажи, прелесть?

– Да, – мама соглашалась, вздыхая едва заметно.

Чего вздыхать? Снимки получились яркими, розовая маечка очень нежно смотрелась на синем фоне.

3. Пляж

У Алены были личные планы на отпуск, девушка она свободная. Но в своем порыве сэкономить она забронировала отель в тихой зоне для немецких пенсионеров. Самыми привлекательными в этом месте были испанские официанты. Тут, конечно, было на что посмотреть, а на пляже – тлен и женщины с детьми.

Мы пришли туда на закате. В это время пожилые немцы выводили на спокойное солнце своих старух. Деда шагали к зонтикам решительным военным шагом. Ничего на них не было, только плавки, но мне казалось, что все они в военной форме, с закрученными рукавами, в квадратных касках, с автоматами в руках. Немецкие бабки дышали своим дедам в спины, все, как одна, – слитный купальник, седое каре и квадратный мужской подбородок. «Живое – не живое» – с таким выражением они рассматривали тела, разбросанные на песке. Наверняка, я подумала, у каждой бабки в кармане есть «кольт», и если кто-то дернется, она его прикончит.

Утром и после полудня пляж заполняли отвисшие животы, оттянутые соски, дряблые бедра и белые керамические зубы. Вот возле этой некромантии русский стриптиз и начал раздеваться.

Танцовщицы скинули шорты, стянули маечки и начали делать наклоны вниз, стелили на песок свои полотенца. Момент оказался волнующим. Макс и Сашуля попали в плотное кольцо из женских тел. Окружение им понравилось, за девушками наблюдали с интересом и подмечали кое-какие детальки.

Все сиськи и попки оказались разными. У Джессики зад был плоский, как будто она навеки отсидела его в автобусе. Длинная, с тонкими страусиными ногами, она расхаживала по песку и постоянно разговаривала по телефону со своим бойфрендом.

– Шамиль! Шамиль! – Она очень громко и нудно гундела: – Мне неприятно! Я не успела уехать, а ты сразу идешь развлекаться. Я не хочу, чтобы ты ходил в клуб. Скажи мне, неужели ты пойдешь в клуб, если знаешь, что мне это неприятно?

Она вот так нудела весь отпуск, с умным видом, а у самой задница – как доска для пельменей.

У Линды, у той самой представительницы сельского стрипа, грудь лежала в купальнике без всяких эмоций, ее просто туда положили и сказали – «пусть будет». А у Тигрицы не так, у Тигрицы за пазухой были два яблочка, она их обтянула коралловым лифоном и всем объявила название бренда – «Мортен Берло».

Синди улыбалась, она была счастлива, она вышла из пляжной кафешки, где спешно пописала. У нее была низкая талия, поэтому ножки были коротковаты, но она очень шустро ими семенила. Обняла столбик и за секунду оказалась наверху, под зонтиком, откинула ручку и засмеялась: «Милана, сфоткай».

– Мартышечка, – Макс подумал, кажется, вслух.

Милана, черненькая, грубенькая, немного смахивала на испанку, поэтому местная шпана и обращалась к ней на родном языке. Эта девушка была вся прокачана с ног до головы, но для стриптиза ее рост был явно маловат.

«Неужели и она танцует? – прошептал Макс Алене. – Ей нужно штангу, а не шест». Он даже спросил, занималась ли девушка атлетикой. «Занималась, – ответила Алена и улыбнулась, сдержанно, как ворошиловский стрелок, – чем она только не занималась».

Милана села на колени, подняла руки, сцепила их в замок и начала отрабатывать пресс. Железный у нее был пресс, там у нее были такие мышцы, каких больше ни у кого на всем пляже отродясь не бывало. Она отклонялась назад – головой касалась песка, пять минут

без перерыва влежку. Мальчики понаблюдали немножко, как выделяется ее твердый лобок, когда она прогибается, и отвернулись. Жуть, они такого сто лет уже не видели.

Девочек было десять плюс Алена, женщина сильная и взрослая, с каким-то, прямо скажем, диким магнетизмом. Она подмигнула Максу:

– Все говно – я одна королева!

Взгляд у Макса был растерянный, он сидел под зонтиком, как мышь в супермаркете, которой выставили под нос сто сортов сыра. Точеные ляжки, плоские животы, отшлифованная кожа и рельеф в ассортименте – не то чтобы это его впечатлило, но в какой-то степени расширило кругозор и немного развлекло.

Наступила моя очередь раздеваться. Сарафан я скинула сразу, через голову. А что тянуть, я и так знала – сейчас все устанутся. И все уставились, и мальчики, и девочки. Отвыкли, бедные, от натуральных продуктов.

Да, да, да, господа! Вы правы, я – корова, но очень изящная я коровенка. А по поводу размеров давно не беспокоюсь. Размеры – фигня, все в этом мире решает пропорция.

Тигрица потупила глазки, повернулась на живот и потеряла ногу об ногу, у нее был маленький пункт – щиколотки. Она всегда хотела себе узкие, как у меня, но свои родные у нее были толстоваты, она всегда их прятала под высокий сапожок.

Сашуля взглянул на мой купальник и выкатил глазки, точно так же, как все мужчины их выкатывают. Мама заметила его открытый рот и улыбнулась.

– Рефлексы в норме, – шепнула Алена маме. Она была вся блестящая от масла.

Макс вытянул губы в трубочку и склонил голову набок. Он все заметил, как доктор, и целлюлит, и синюю венку на бедре, и две растяжки на животе, и грудь, от которой я уже не знаю, куда деваться... Да, да, вы правы, доктор, мне срочно нужен лазер, и обертывания, и подтяжка, и филлеры ваши, и прочий крепеж... Когда-нибудь, потом, может быть, наступит день, и я заявлюсь в вашу клинику. А сейчас мне плевать, как я выгляжу. Тело – вещь настолько временная, что, честное слово, смешно на эту тему загоняться.

Кстати, с геями на пляже я себя чувствую легко и спокойно. Я могу лечь перед Максом, вывалить ему под нос все свои достопримечательности, разложиться между пивом и хамоном – и ничего. Он отряхнет мне клубничку от песка, я ее съем. Просто съем ягодку, без всяких намеков.

– Осторожнее с солнцем, – он мне сказал, – у тебя светлая кожа.

– Знаю, знаю, – я ответила, – у тебя тоже.

Где-то в сумке, у Макса на каждый выход была своя сумочка, зазвонил телефон, он его вытряхнул, посмотрел, кто вызывает, и быстро ответил:

– Мама! Наконец-то ты мне позвонила! А я уж думал, ты совсем забыла про меня.

Он улыбался, как маленький, и, видимо, ждал этого звонка давно. Говорить рядом с нашим стойбищем было неудобно, смеялись девочки, Сашуля щелкнул банкой пива, Джессика телефонировала на весь пляж:

– Шамиль! Шамиль! Как же ты можешь? Неужели тебе действительно будет приятно отдыхать без меня? Ты знаешь, что я этого не одобряю, и все равно идешь...

Макс поднялся, закрывая уши, отступил на деревянную велосипедную дорожку.

– Мама! – он кричал. – А я сейчас не в России, я в Испании. А ты и не знала! Я скоро приеду...

С дорожки его вытеснили велосипедисты, он отошел еще дальше и присел на мраморную скамейку у дороги под пальмой.

В двух шагах от наших зонтиков раскинула чресла шершавая старуха в лиловом купальнике. Она согнула ноги в коленях и балдела под солнышком. Сашулю от этой правды жизни сразу перекосило, он тронул маму за плечо:

– Ты посмотри, а? И к чему она нам тут все это разложила?

– Молодец старуха! – Алена сфотографировала спящую бабульку. – Сто лет женщине, а она на курорте. А это еще надо будет посмотреть, где мы с вами будем загорать, когда нам сотня стукнет.

Беременная испанка выгоняла из воды двоих малышей. Дети от нее разбегались, она их ловила, наклоняясь до песка тяжелым большим животом.

– Неужели и я вот такая вот буду, – повернулась на спинку Тигрица и погладила свое нежное пузечко с золотым колечком в пупке. – Мама просит: «Рожай, я внучку хочу».

Алена устала на эту испанку, как на инопланетянку. Она не любила беременных женщин и для себя несколько лет назад четко решила – никаких детей. С тех пор все эти беременные животы и младенцы вызывали у нее неприязнь. Она по привычке хотела сморщить лоб, но он не морщился. После ботокса лоб у Алены всегда был ровный, только брови поднимались, если ей что-то не нравилось.

– Кошмар, – она сказала, – ну куда ей еще? Этих двое и в животе, похоже, тройня.

– И жопа на пятках, – это Сашуля хмыкнул.

Женские недостатки он смаковал с наслаждением. Одна пошутила грубо, другая просто дурой родилась, третья отъела ряху, четвертая растянула сиськи – все это он хватал на лету, собирал доказательства женской ущербности. Не знаю, зачем он проводил свою экспертизу и постоянно себя убеждал: женщины – грязные мелкие животные, все до одной тупые и грубые, все корыстные стервы, жопа на пятках у каждой второй, все бабы – отстой, все, кроме любимой мамочки.

Ну да, мы такие. Я понимаю Сашулю, я испытываю подобное отвращение к мужчинам, когда никого не люблю. И если иногда, где-то в магазине, например, или в лифте, я вижу воротник рубашки, шею, ухо, чувствую запах или парфюм, я шарахаюсь, как от этого, как от протухшего мяса, чужие подробности мне неприятны, любое близкое контактирование я исключаю. Но если я люблю одного мужчину, все прочие мне тоже начинают нравиться.

Сашулина мама за беременной испанкой тоже наблюдала, только немножко по-другому, с жадностью в глазах. И малыши черноголовые, и сама эта коротенькая тяжелая женщина, и ее живот, пусть огромный, пусть неудачно подчеркнутый коротким черным топом, и зад ее низкий – все это маме понравилось. Здоровье перло от испанки, и детишки были милые. Маман спросила меня:

– Ира, а у вас есть дети?

Я поняла, к чему она клонит, но, конечно, ответила:

– Есть.

– Сколько? – ей было интересно.

Сашуля посмотрел на маму с легким неодобрением.

– Ну вот, – он забухтел, – сейчас опять начнется: «Внуки! Внуки! Где мои внуки?»

– А сколько вашим... – она ко мне поближе наклонилась.

Да что вы, к чему ж я буду сыпать соль на рану? Я сбежала от мамы в водичку. Сашуля увидел, как резво я нырнула, и отправился за мной. Он зашел по колено и остановился. Холодно, холодно, знаю, но я этот холод не чувствую. Хочется, конечно, в тепленьком поплавать, но все свои «хочу» я забыла и опять живу, как надо. Мало ли что ты там хочешь, а что не хочешь... Какое дали море – в таком и купайся.

Над водой поднимались цветные парашюты, только не круглые, не обычные, а вытянутые эллипсоидом. Их было много, целая радуга вспыхнула. С этими эллипсоидами отрывались серфингисты, они держались крепко за стропы и по волне гонялись за ветром. Ино-

гда они сбивали друг друга, падали в воду, а потом снова карабкались на мокрую доску. С пятой попытки у них получалось, стропы натягивались, сильные люди в черных костюмах поднимались во весь рост и держались на скользкой поверхности, как куклы на ниточках. А парашютики парили мягко и лениво.

4. Кафе

Каждый вечер в кафе у моря наша компаха заказывала сангрию. Вино приносили в больших кувшинах с виноградом, с арбузом, с персиком. Из кувшина фонтаном торчали цветные трубочки, хорошие трубочки, около метра длиной. Мы брали пяточек таких кувшинов, цедили сладенькое и ловили вай фай.

Девочки ловили и Макс, а мне ловить было нечего. Я только однажды вылезла в Сеть, а там все те же песни. Сообщение по мою душу прилетело свежее, но текст был старый: «Очень скучаю без своей зайки». Протухшая информация, вот так это у нас, у журналистов, называется. А потому что никакая я больше не зайка! Теперь я – корова, у меня на шее висит золотой колокольчик, и я сижу тихонько в уголке, позвякиваю.

Официант поставил мне за спину камин, плед принес шерстяной, и я подремывала на плетеном диване в мягких подушках. Ветер был сильный, на острове всегда сильный ветер, пальмы шелестят, занавески взлетают, и Синди постоянно ищет туалет.

Народ суетился, выгружал свои фото, чтобы все, все друзья побыстрее узнали – девочки красиво отдыхают. «Ты где?» – кто-нибудь спросит Джессику, и она ответит небрежно, в нос: «На Майорке».

Стриптиз смеялся над каждым прожитым кадром. Ржали громко, особенно Милана, она смеялась хриплым басом. Арабские мальчишки из пиццерии на углу подсели к ней за столик, и она их развлекала, непонятно на каком языке. Немецкие бабки вздрагивали, когда у них за спиной взрывалось: «Ха-ха-ха!»

А я не слушала, о чем они смеются, только иногда прилетало с соседнего столика что-нибудь ненужное, как салфетка.

– ...открываю трюмо – там кокс...

Это Тигрица, она по-кошачьему растягивала слова, и поэтому казалось, что она плачет, когда говорит.

– ...на кухне – кокс. В ванной – кокс. В косметичке – кокс. У меня началась реальная паранойя. Я поняла – все, с ним нужно срочно разводиться. В любой момент сюда нагрянут – и мне дадут лет десять. – Она со свистом вытягивала из трубочки последнее и делала умный вывод: – Так что, девки, лучше бухать.

Я отключила уши, оставила только видеоряд. Веселое развлеченьице я себе придумала: пускаешь фламенко в наушники и смотришь, как случайные люди двигаются под твою музыку. Пара испанцев выгуливает спаниеля, ждут, пока он обнюхает столбики, им очень важен этот спаниель. Запоздалые бегуны добивают дистанцию, десятый час, а они все бегут. Два араба веселят публику, надувают огромные мыльные пузыри. Старик и внучек, черные от солнца, построили высокий замок из песка и ложатся спать, тут же, рядом со своей крепостью, на песке старик постелил одеяло. Утром придут туристы и немножко заплатят за фотографию. Макс тоже сфотографируется с замком и обязательно поставит коммент «Я на Майорке». У него уже стоят подобные: «Я в Берлине», «Я в Праге», «Я в Риме», «Мы с Сашулей в Милане», «Мы с Сашулей на Таити»...

Друзей у Макса за сотню, это модно, иметь сотню друзей. И айфон у него всегда будет только последней модели. Завтра «Эппл» выпустит новый, Макс его первым купит. И очки из прошлогодней коллекции он ни за что не наденет. Он и мои забраковал. «Форма хорошая, – сказал, – но размер тебе нужен поменьше».

Бренды, тренды – все это ему очень нужно. Нет, не потому, что бренд – это качество, и не потому, что детство у него было голодное и вот он дорвался... Нет, все проще: бренд – это соответствие определенному стандарту. Макс хочет вписаться, он нестандартный, поэтому защищает себя таким нехитрым способом. Для него фирма – это щит.

– Вот моя мама, – он показал мне фотографию.

Я выключила плеер, посмотрела на его маму.

– Красивая женщина, – говорю.

– Моими стараниями, – он улыбнулся снова, как маленький, – она у меня тоже на ниточках. Пятьдесят восемь ей. Разве скажешь?

Мама красивая, я не соврала. Аристократка, холодная и уставшая. Правильное лицо, правильная женщина – случай тяжелый.

– Абсолютно не умеет расслабляться! – он сказал, подзывая официанта. – Расслабиться – это для нее самое страшное слово!

– Такая же фигня, – я про свою маму это сказала, – плюс антиалкогольная кампания.

– И православие!

– Да! Максим, радикальное православие!

Макс оглянулся по сторонам, как будто мама могла его подслушать, и застонал:

– Ой, как она меня замучила своим смертным грехом! Мы из-за этого и поругались в последний раз. Ты представляешь? Пришли мы в храм, причаститься хотели вместе, а меня не допустили.

– Почему не допустили? – я не знаю порядков, поэтому спросила.

– Священник исповедь не принял, вот и все, а мама из-за этого сразу расстроилась, мы с ней чуть ли не в церкви начали ругаться.

– А исповедь-то почему не приняли? Ты спросил священника?

– Спросил, я сразу спросил. А он мне сказал: «Бросишь свой грех, тогда приходи, а не бросаешь – значит, не каешься».

– Жестко.

– Все серьезно у них! А я у него еще раз тогда спросил: «Но вы же отца моего причащаете? Почему мне нельзя. Мой отец – алкоголик, мама приводит его к вам на исповедь, он каждый раз обещает бросить, потом выходит из храма и снова пьет. Он ее очень мучает, она из-за него живет в постоянном напряжении»... А он мне знаешь что ответил?

– Что?

– Он сказал: «Алкоголики – больные люди, а ты лукавый. Иди отсюда, не смущай попа» – вот так вот. А мама все видела и опять на меня начала...

У нас с Максом оказалось очень похожее детство – мы оба были отличниками. Макс был умненьким ребенком из семьи потомственных врачей. В третьем классе он спер у родителей клофелин и таскал в кармане, как самурай. Если получит трояк – домой не пойдет, отравится в парке. Мама об этом не знала.

– Она мне всю жизнь говорила: «Максим, ты не должен расслабляться. Четыре по химии – это значит, ты не учил. Ты очень способный, твоя оценка не пять, а пять с плюсом. Ты идешь на медаль, не расслабляйся». И так до полуночи, за одну четверку по химии сядет ко мне на кровать и пилит...

Макс терпел, а на выпускной немножко оторвался. Он устроил акцию покруче гей-парада. Представьте себе линейку в центре города. Начало девяностых, но традиции все советские. Девочки в белых платьях, мальчики в темных костюмах, родители с цветами. В центре площади стоит красная трибуна, в президиуме шишки города, мэр лично вручает отличникам золотые медали. Всех объявляют поименно, выпускники пересекают площадь и забирают наконец-то свою медаль. Им, разумеется, все аплодируют и смотрят на самых лучших детей города. Объявили Макса.

– Знаешь, что я сделал? – он даже засмеялся от удовольствия. – Я вышел в розовом пиджаке. У меня все было приготовлено: зеленые ботинки, на тракторах, купил специально

на толкучке, галстук желтый, сам сшил, я себе даже волосы успел дракончиком поставить. Выхожу в таком прикиде...

– Супер! – Я закосела немножко от винишка. – Как же учителя это все пережили?

– Да, а куда им деваться? Мэр мне ручку пожал, успехов пожелал... – Макс затынул сладенького из трубочки и усмехнулся. – А я тогда уже спал вовсю с мужиками.

Алена выдула свой графин и целилась трубочкой в наш. Она попала в горлышко, и уровень розовой жидкости начал стремительно понижаться.

– Вы о чем так мило болтаете? – спросила она веселым пьяненьким голосочком. – Отсели от нас и болтают! А вон там вон висят такие хорошие полотенчики. Метр на полтора и всего по восемь евро. Мы должны их купить!

– Зачем? – спросила я. – Мне не нужны полотенчики!

– Да ты что! – она всех подняла. – Девочки! Встаем, встаем! Там полотенчики по восемь евро!

Все понеслись, как больные, по сувенирным лавочкам. Магазины были одинаковые, в каждом висел ядреный Китай. Полотенца везде болтались одни и те же, с испанской символикой: быки, ящерицы, профиль Колумба и сердце «ай лав Майорка». Но Алена уходила все дальше и дальше по набережной, она искала именно тот магазин, где полотенца продавали по восемь евро, на десять Алена не соглашалась.

– Десять евро за тряпку! – она хохотала продавцам в лицо. – Это наглость! Я видела точно такие же по восемь!

Синди и Джессика выбрали одинаковые платья, вопреки всем гламурным законам они всегда покупали одно и то же. Сначала Джессика натянула розовое с блестками, сразу за ней Синди дернула с вешалки точно такое же, и они нарисовались, обе в розовом, как две клубничные жвачки.

Алена взглянула на них с такой печалью, как будто это были ее собственные дети, которые принесли из школы по двойке. Макс улыбнулся. Не знал, что бы такое помягче сказать, и сказал:

– Обезьянки.

Тигрица набирала полный баул всякого хлама и тут же звонила домой, кричала в трубку, счастливая до ушей:

– Мам! Я тебе полотенце купила! Мам, такое огромное полотенце за восемь евро! Мамуль, ты слышишь? Я тут в городе нашла такое обалденное белье! Мамуль, французское! Не дорого, у меня есть деньги! Ну, что ты говоришь, зачем тебе французское белье! Я знаю, что у тебя никого нет, ну и что? Мамуль, ну будет, будет. Тебе нужно французское! Мамочка, ты у меня молодая, все пригодится. Пришли размеры, прямо сейчас смеряйся и пришли мне на этот номер эсэмэской...

Тигрица притормозила у яркого прилавка с кружками, зажигалками, пепельницами, майками и прочей дрянью.

– Магнители! – она увидела.

И все запрыгали, запищали, и Макс, и Сашуля, и девочки:

– Магнители! Магнители!

Магнители Алена сторговала не за евро пятьдесят, а за один евро. Ерунда, но ей было чем гордиться, пятьдесят процентов экономии, нешуточное дело. Алена этих магнитиков набрала штук тридцать, вернется в клуб, а там у нее и девочки, и официантки, и диджеи, и охранники, все получают по магниту, уснуть не смогут, если кому-то не достанется от Алены сувенирчик.

Мама Сашулина вместе с девочками зашла поковыряться в куче шифоновых парео. Она пощупала с некоторым сомнением эту гадость из ядовитой прилипающей к телу синтетики. И вроде бы не нужен был ей этот лоскуточек, но захотелось.

Сашуля наклонился к маме, обнял ее за плечи.

– Что ты смотришь? – он спросил. – Косыночку увидела?

– Да вот, – она засмузилась, – вот вроде бы синенькую... под купальник...

– Купи, – Сашуля улыбнулся ей, как дочке, – купи себе тряпочку. Синенькую хочешь?

Возьми синенькую.

Не знаю... Может, меня и продуло немножко, этими ветрами островными, а может быть даже, я слегка перемерзла в холодной воде, но мне показалось, что все они, все поголовно в этой компании были повернуты на своих мамочках. И Макс, разумеется, Макс в первую очередь. Хламья он своей маме не покупал, нет. Он еще утром съездил на местный ювелирный завод и купил своей маме в подарок какую-то дребедень из золота и черного жемчуга.

5. Ресторан

Ресторан выбирала я, он был у причала, оттуда хорошо просматривалась вся береговая линия, стекло сверкающих отелей, пляж и яхты. Яхты молчали, на каждой голубеньким было написано ее испанское имя. «Донна Роза», «Кончита», «Санта-Мария»...

За столом были мама с Сашулей, Макс, Алена и я. Иногда с нами обедала голодная Тигрица. Остальные девочки кушали в арабской пиццерии, у них там получился кружок по интересам с местными мальчишками.

Официант знал по-русски три слова: «спасибо», «пожалуйста» и «спокойно». «Спокойно!» – и ладонь вперед, это у него хорошо получалось. Красавец, все испанские мужики красавцы, он танцевал вокруг нашего столика, а я тащила, мне для счастья много не нужно.

– О! Как ему идет этот фартук! И маечка в обтяг! А пальчики какие длинные!

У испанца все блестело: волосы, глаза, улыбка... А я же из России девушка, для меня все блестящее – красота.

Макс улыбался и барабанил на развернутом меню.

– Ирочке понравился мальчик, – он сказал.

– А тебе не понравился?

– Я замужем уже три года, – он доложил.

– А я пятнадцать, – говорю.

Макс посмотрел на меня внимательно, даже очки свои очередные снял. Ну, думаю, сейчас начнется диагностика. Он потрогал мой лоб, подбородок и сделал медицинское заключение:

– Лицо мне нравится... Линия лба и носа интересная... Я бы только вот тут вот немножко над бровями ниточку пропустил... И вот здесь... – он нажал мне на скулы, – здесь тоже можно... А в целом все пока еще в порядке...

– Слава богу!

Я тоже рассматривала Макса. Ничего бабского я в нем не обнаружила, несмотря на перманентные стрелки. Нос прямой, лоб высокий, взгляд острый, губы сильные – сволочная рожа, вот и все.

– Сколько тебе лет? – спросил Макс.

– Тридцать пять, – я усмехнулась. – Вот так вот, значит, ты на женщин смотришь. Все ищешь, где у нас что не так.

Он пригубил вино и хихикнул:

– Ага.

Это у него профессиональное, у меня с мужчинами такая же история. Макс смотрит и думает, что в женщине можно исправить, а я смотрю на мужчину и думаю, что в нем можно сохранить. Слушаю Макса и автоматически соображаю: «Вот эта его реплика мне подойдет, вот это движение, пальцами барабаниющее, я оставляю, а вот эти стрелочки вокруг глаз можно и убрать, перманентный макияж в наше время ничего не решает...» Взять живого мужчину, прикончить, выпотрошить и набить опилками – это интересно. Я такое однажды проделала даже с тем, кого мне было очень жалко потрошить. Но все равно проделала. Поэтому рядом со мной и нет живых мужчин, только персонажи.

Вот вам, пожалуйста, Сашуля. Несколько раз в год Макс вывозит его в европейские рестораны на дегустацию. Сашуля не просто так обедает, а в целях повышения квалификации. Он у нас шеф-повар.

– Сначала изучаю внешний вид, – так он объяснил свою неспешность. – Смотрю: какая цветовая гамма и что ее создает. Потом оцениваю общий вкус, потом слушаю, как звучат отдельные ингредиенты.

Все по науке было у Александра, ножом и вилочкой. Он трудится в модных ресторанах, сменил уже несколько мест, потому что ищет свой идеальный ресторан, в котором будет обязательно шефом. Только шефом. «Я лидер, я лидер», – он об этом говорит постоянно. Как раз сейчас открылся новый ресторан, и очень неплохой, и открывал его именно Сашуля, но на кухне он пока еще не самый главный. За должность шефа с ним бьется одна амбициозная бабенка, но, видно, не справляется. На почту к Сашуле весь отпуск сыплются рекламации от недовольных клиентов, и это ему аппетит портит.

– «В греческий салат положили пекинскую капусту», – он все читает вслух и сразу начинает заводиться. – Пекинскую! В греческий! Я повешусь!

Максим его успокаивал, терпеливо и рассудительно, поправляя очередные стильные очки.

– Все хорошо. Ее ошибки тебе только на руку. Удачно, что ты уехал именно сейчас.

– Сашуль, не говори! – мяукнула Тигрица. – Везде одно и то же. Кругом орудуют профаны. Все наши лучшие девочки работают за границей. А эти? – Она кивнула в сторону пиццерии. – Разве это уровень? Максюш, скажи?

Максюша соглашался молча, перемешивая безупречный греческий салатик испанского производства.

– «Мясные ножи испортились. Где второй комплект?» – Сашуля тут же начал отвечать: «В кладовке, в третьем шкафу».

– Подожди... – Макс его останавливал, – ответишь после обеда. Пусть они оценят твою значимость.

– Новые ножи! Титан! Что она с ними сделала, я не могу понять? Как она их испортила? Что она ими резала? Куда она их вставляла?

– Пусть поплачут без нас! – Алена потирала крепкие ладошки. – У меня в клубе сейчас тоже черт-те что творится! Девочки подрались, Сюзанна пробила Надин голову. Стрипом!

Алена листала меню дольше всех. И возмущалась.

– Двадцать евро за рыбий хвостик! Обдираловка! Я возьму курицу!

– Если они поставят шефом эту дуру кривоногую, – нервничал Сашуля, – она им за полгода из ресторана общепит сделает.

Нам приносили горячее, заканчивалась первая бутылка холодного белого вина, и как раз в этот момент высокие пальмы ложились на песок четкой тенью. Я всегда садилась так, чтобы мне было видно и эти длинные тени, и мачты. Мне нравится белый штакетник на сверкающем синем. И море само собой, море обязательно нужно видеть, иначе невкусно.

Сашулина мама расстегнула пуговку на животе и млела. Я у нее спросила:

– Это вы научили сына готовить?

– Нет, он сам... – она улыбнулась.

Женщина была обстоятельная, рассказ начала с детства. С первого класса, когда Сашуля приходил домой из школы.

– Я ему оставляла в холодильнике обед. Звоню с работы, спрашиваю, «Сашуль, ты съел котлеты?» Нет, отвечает, мам, я себе яичницу приготовил...

Сашуля начал шевелить бровями, сначала на меня, потом на маму. А я чего? Я только спросила, кто научил ребенка готовить, а дальше она сама и про блинчики, и про лапшу.

– Но он ведь у меня не только кухней увлекался, – маме приятно было об этом вспоминать. – Он у меня на авиамоделирование ходил. И паровозы ему нравились. У нас недалеко депо паровозное было. Там сосед наш работал, и он мальчишек пускал к себе в кабину. Прибегает ко мне: «Мама! Я в паровозе ехал». А для самолета я ему двигатель специальный купила, и его самолет даже на конкурс взяли, он летал...

– Дорогая моя, ты, видать, перегрелась? – снисходительно кивнул Сашуля своей маме. – Давай я тебя пересажу. А то спечешься, не заметишь как.

Сашуля застеснялся. Он передвинул стул на другую сторону, глубже под навес.

Солнце перемещается, пока салатик, пока рыбку, пока один бокальчик, пока другой – и вот оно уже обходит натянутые тенты с другой стороны. Ветер делает свою анестезию, сидишь – и тебе не жарко, но пока донесут капучино, нос уже покраснеет.

Мы все пересели, разлили последнее по бокалам, и Сашуля сделал официальное признание. Это у него случайно получилось, вместо тоста.

– ...А потом моя жизнь изменилась, я встретил человека, – он посмотрел на Макса, как на друга по фронтовой пехоте. – И ничего не поделаешь... Любовь.

«Любовь», – он сказал. Спокойно, как мы, например, говорим: «И ничего не поделаешь... евро опять дорожает». Или «И ничего не поделаешь... зимой река замерзнет». «Любовь» – это было понятно всем. Тигрица допивала вино – понимала, и Алена уминала мороженое, тоже кивала с пониманием, и Макс сделал серьезное лицо, как для фото на паспорт. Мама тоже понимала, вздохнула и добавила тихо:

– Максимка мне как сын.

Всем было понятно, что такое любовь, даже и вопросов никаких не возникало. Получается что? Я одна, что ли, ничего не понимаю? Я все время спотыкаюсь на этом слове. Меня передергивает, когда я его слышу, как будто пенопласт поскребли. Откуда я знаю, что имеют в виду люди, когда говорят «и ничего не поделаешь – любовь»? Откуда я знаю, о чем он думал, тот мужчина, которого я больше не увижу никогда? Он тоже говорил «люблю»... Посадил в такси, сказал «люблю», и я поехала одна в аэропорт. А он поднялся в свою квартиру, наверно, тоже, как Сашуля, крикнул где-нибудь в лифте: «И ничего не поделаешь – любовь».

– Этот человек показал мне мир, – Сашуля уточнил, как будто прочитал мои мысли, – он укрепил мою уверенность в себе, он мне сказал, что я прирожденный лидер...

Макс кивал одобрительно, достал бумажник, выложил деньги по счету. Мне захотелось швырнуть стаканом, очень сильно захотелось грохнуть что-нибудь об пол.

Но я не грохнула, подошел испанец и все забрал на поднос. Улыбнулся, когда увидел чаевые.

6. Мама

Мальчики жили в одном номере с мамой. Представляю, какое это счастье. Две кровати были сдвинуты рядом, третья, мамина, стояла тут же за стенкой. Номера были тесные благодаря Алениной гениальной экономии. Но путешествие было не свадебным, парни жили вместе три года, они и были похожи на семейную пару на излете страстей.

Каждое утро Макс на полчаса занимал ванну. Мама полеживала в пижаме и улыбалась своим мыслям: «Как девочка. И маечку всегда новую надевает. Второй раз ни за что не выйдет. Полный чемодан тряпок с собой привез».

Но девочка не девочка, а платил за все Максим. Брутальный Сашуля только начинал свою карьеру в новом ресторане.

В первый день Макс немного сгорел. Всем советовал, какой крем на сисечки намазать, а сам сгорел. У него поднялась температура, он лежал в постели, и Сашулина мама лечила ему плечи пантенолом.

«У меня золотая свекровь», – Макс это искренне говорил, без кокетства. Со своей собственной мамой ему было сложнее. Они находились в состоянии постоянных напряженных переговоров, хотя давно уже был прожит первый скандал, самый кровавый.

«Мама, я – гей», – эту веселенькую новость Макс сообщил родимой мамочке на Восьмое марта. Нет, нет, не специально. Макс не хотел, он просто приехал поздравить, как хороший сын, с цветами, с конфетами...

Дверь открыл отец. В руках у него была телефонная трубка. Он поздоровался с Максом и сразу вернулся к своему разговору.

– Танюш? Танюш, ты меня слышишь? Зая, приезжай! Да, как обычно. Ночь любви! Я тебе гарантирую. Молодец... умничка... помнишь...

– Опять девчонки? – Макс прошел в гостиную со своим букетом.

– Тихо, тихо! – Отец прижал палец к губам и кивнул на дверь в спальню своей жены.

Макс знал, на другом конце провода идут гудки, там нет и никогда не было ни Катюшки, ни Танюшки. Отец играл – на пятый день запоя у него начинались тихие игры, на пятнадцатый его отвозили в клинику.

Мама была уставшей. Макс заметил – выглядит плохо, потемнела, осунулась, мерзнет. Мама всегда замерзает, кутается в мягкий халат, пытается уснуть и не может. На цветы и конфеты она кивнула равнодушно, приятные мелочи ее не волновали. «Ой, ну зачем...». Она всегда так говорила:

– Ой, ну зачем...

– Мама... Ну я же твой сын...

Макс открыл ей конфеты, самые лучшие, самые дорогие он для мамочки выбрал.

– Я по тебе соскучился. Пришел с тобой поговорить. Мне же интересно, как ты живешь...

– Как я живу! – Она кивнула на дверь. – Как я живу...

В гостиной продолжались телефонные игры. «Танюшка! Как дела? Неужто замуж вышла? И кто счастливее?»

Макс наклонился, обнял свою маму, поцеловал в плечо, мягкое, теплое.

– Принеси водички, – она попросила.

Макс принес ей стакан воды, тот самый стакан, ради которого многие детей и заводят. Да он бы в жизни не открыл свой рот и эту женщину, и без того грустную, волновать не стал бы, ни за что. Он хотел заварить чайку, поболтать и смотаться. Она сама начала. Как обычно.

– Максим, я за тебя очень беспокоюсь. У тебя дома постоянно стоит коньяк. Как ни зайду, у тебя открыт коньяк. И этот твой друг... Он что, к тебе переселился, что ли? У меня уже есть один алкоголик, я волнуюсь.

– Мам, не волнуйся, – сказал он. – Это хороший коньяк... Я сейчас много работаю. Очень много. Я устаю, мне нужно иногда расслабиться...

– Расслабиться!

Мать усмехнулась, и Макс почувствовал первое раздражение. Мама не принимала его образ жизни, его карьеру – которую он делает не в государственной больнице, а в известной частной клинике, его друзей, его любовь к удовольствиям, модным шмоткам, дальним поездкам... «Все это очень несерьезно, – она говорила, – Максим, ты расслабился». Он понимал ее реакцию: это страх, обычный материнский страх, но все равно обижался. Взрослый был парень: двадцать четыре года, работа, квартира, зарплата, но ему все еще хотелось, чтобы мама его принимала, хвалила, одобряла...

– Мама, – он сел на ковер рядом с ее постелью, – Приходи ко мне в клинику... Я тебя подтяну... Сама потом убедишься, увидишь, как тебе будет приятно... Как же ты не поймешь, нельзя жить в постоянном напряжении...

– Скорей бы ты уже женился, – это была ее любимая тема.

– И что тогда?

– Тогда я успокоюсь.

– Мам...

– Почему этот парень все время у тебя? Ему что, негде жить? Когда он уедет? Тебе не кажется, он загостился? Почему я не прихожу жить ни к кому из своих друзей? Мне тоже неудобно в собственной квартире! Какой бесцеремонный человек! Кто этот человек? Он что, учился с тобой, я его не помню...

– Мам... – Макс пытался ее остановить.

– Вы что там, пьете, что ли, вместе?

– Я не пью, – он ответил быстрее, чем успел подумать. – Этот парень живет со мной... Он мой любовник.

– Да мне начхать!

Мать не расслышала, точнее не хотела это услышать. Она ведь почти уже знала. Однажды неосмотрительно, без предупреждения, мама нагрянула к Максиму в субботу утром. Ключик был, эту квартиру купила мама и ключ оставила на всякий случай. Она прошлепала до спальни, открыла дверь и нос свой сунула. Макс был еще в постели, и этот парень, «мой первый», так его Макс называл, лежал рядом с ним.

Два парня под одним одеялом – это глаза зафиксировали, но сознание тут же поставило защитный блок. Мать шарахнулась в кухню, ругая себя за бестактность. И правда, вломиться без звонка в квартиру к взрослому сыну, а вдруг он с девушкой, нехорошо.

Никаких подозрений у нее не возникло, внимание сразу переключилось на бардак, на грязную посуду, на пустые бутылки, на шеренгу бокалов... «Пьянка! Опять была пьянка. Где упали – там уснули».

И тогда, вечером восьмого марта, Макс мог бы ничего не говорить, он мог просто встать и уйти. Но он сказал, настырно, как будто хотел укусить:

– У нас любовь. Мы живем вместе. Я – гей.

Мама застыла на секунду-другую, потом начала заикаться.

– Что? Ты что... Ты что хочешь сказать... Ты гомо...

Остальное она не смогла проговорить. И закричала.

Кричала долго, жестко, грубо, рваным, каркающим голосом, как будто ей перерезали горло.

– Идиот! Как ты смеешь такое мне говорить?! Ты матери! Ты матери сказал такое!

– Мама! Извини...

– Ты обо мне подумал? Как мне жить?! Как мне дальше жить? Мне будут все в спину плевать! Пальцем тыкать! У нее сын – педик! Один алкаш, другой педик...

Макс сидел на полу и сжимался от каждого слова, как будто его били ногами.

– Не надо, мама, – просил он маму. – Молчи, я тебя умоляю, только молчи.

– «Я – гей!» – Мама не могла успокоиться. – Это он мне, своей матери, такое сказал! «Я – гей!» А дальше что? Что дальше? Гей! Ты думаешь, что этого достаточно?

– Не надо, мама!

– Максим! Посмотри на себя! Вокруг тебя грязные люди! С тобой живет непорядочный человек! Это страшно! – она завизжала. – Мне страшно! Мне страшно, Максим!

Мать визжала, Макс плакал. Ему стало жалко эту женщину, халат ее, теплая рубашка, постель – все пахло детством, все было рядом, близко, все ему было нужно и все удалялось. Куда, почему, он никогда не мог этого понять.

– Зачем ты мне сказал? – она пошла по второму кругу. – Ну зачем ты сказал мне все это, Максим? Я только легла, я хотела уснуть, зачем ты мне сказал эту гадость? Ты что, отомстить мне хотел?

Он поднялся с ковра, оглянулся на дверь – показалось, что там его тоже слушают.

– Я хотел, чтобы ты поняла.

– Что я должна понять? Что? – она опять завизжала. – Я мать! Мне неважно, что у тебя в трусах! Мне важно, что у тебя в голове! А там – ничего! Ничегошеньки интересного! Ты заигрался! Максим, ты расслабился! Ты слишком много думаешь о своей жопе! Где твои мозги? Где сердце!

Мать провизжалась, выплеснула первый свой шок, а потом заплакала, так горько, как будто ей сказали, что сын ее умер. Макс наклонился к ней, хотел обнять, но она его оттолкнула.

– Не трогай меня!

– Прости...

Он начал говорить, но она прервала его, замахала рукой и сказала ему сухо, холодно, как бесплатному пациенту:

– Уходи. Я ничем не смогу тебе помочь.

Они не разговаривали два года. И не встречались. Макс видел маму только издалека, она проходила по бульвару перед клиникой, а он смотрел на нее из окна своего кабинета.

Макс сразу начинал звонить, но мать не отвечала и быстро сворачивала на автобусную остановку. Но однажды летом спустя два года она пришла сама, неожиданно, без всякого предупреждения просто записалась к Максиму на прием. И диалог был продолжен с того же места, на котором прервался.

– Максим, я за тебя волнуюсь... У тебя в кабинете коньяк.

7. Стриптиз

Алена заболела, два дня не вставала с кровати. В немецком баре откушала гамбургер, и после этого ее подкосило.

Бар был огромный, по размеру напоминал вокзал или рыночную площадь. Ни пройти ни проехать – все плотно заставлено круглыми тяжелыми столами. Столы, да и стулья, и все в этом баре было липким от пива, его глушили через трубочки из неподъемных кружек, и все вокруг воняло этим сладким пивом. Музыка гремела веселенькая с утра до вечера, народу было полно.

На столах танцевали голые девочки, и мальчики тоже раздевались. По периметру зала в глубоких нишах стояли тумбы, на них работали стриптизеры, как тигры на манеже.

Рядом с тумбой были шесты, и каждая пьянь могла подойти, покорячиться. Тигрица, когда проходила мимо, не удержалась, взялась за шест и обвила его ножкой, соскучилась девочка по работе.

Такси съезжались в эту точку со всего района. У входа образовалась пробка, гости не могли протиснуться. Метрдотелей в таком демократичном месте не было, но зато наша Алена сразу включила администратора, она высматривала свободные столики и разводила гостей. «Вам сюда, мужчина, – она указывала направление совершенно случайным людям. – Девушка, проходите, проходите, пожалуйста». Она говорила по-русски, и все ее понимали. И бармен, местный бармен, Алену слушался.

Красавчик был, опять испанец, я падаю от них, он бегал раз десять от стойки к нашему столику. Носил текилу на улицу. Алена собирала деньги ему на поднос и подгоняла:

– Еще текилы! Еще текилы!

И всем, конечно, сразу тут понравилось. И огонечки, и девочки, и музончик, и все такие добрые, веселые, все поют, смеются. Ну, где мы так в России отвисали? Ну не помню где.

Максюша начал танцевать, местные педики строили ему глазки. Сашуля снимал весь этот вертеп. Алена кому-то рассказывала какие-то анекдоты, сама над ними смеялась и покрикивала:

– Еще текилы! Еще текилы!

Рядом оказалась юношеская футбольная команда. Мальчики стояли в обнимку на табуретках и орали: Оле-оле... тря-ля-ля-ля-ля. И я, конечно, тоже захотела на верхотуру.

Поднимаюсь на табурет, смотрю – а кругом немцы. Все огромные, светлые, рожи румяные, все с оружием, в касках, рукава закатаны, поют свой «их ляст эн брюх» и усмеваются. А я-то партизанка в тылу врага, и если они меня рассекретят – сразу поставят к стенке. Какой-то маленький и рыжий врезался носом в мои коленки, и я его накрыла с головой подолом своего сарафана и придушила фашиста коленками.

– Как ты себя ведешь! – Алена следила за порядком. – Ира! Что ты делаешь! – А сама бармену машет и машет. – Еще текилу! Еще текилу!

– Только текилу? – спросил красавчик, задыхаясь.

Алена махнула рукой:

– И один гамбургер!

Я отпустила рыжего и спрыгнула на каменный, залитый пивом пол. Немец хотел обнять меня на прощанье, но я его куснула за ухо и крикнула вдогонку: «Это тебе за дедушку!»

– Браво! – Максюша кричал. – Браво!

Тигрица поправила лямочки на моем сарафане и голову мне на грудь положила.

– Кстати, я – би, – она сообщила.

Ой, ты лапочка! Этикеточку себе приклеила. И ведь сама, никто ее не просил. Кто ты у нас сегодня, би или не би, никто не спрашивал. И никогда никто никого не просит сортироваться, все сами, все добровольно пришивают себе ярлыки.

Тигрица была в голубеньком платье, простом, закрытом, с челочкой, как школьница. В отпуске все девочки вели себя скромно и никому ни в коем случае не говорили, что танцуют стриптиз. Но по каким-то своим признакам все танцоры сразу определяли друг друга. Испанец, который работал на тумбе, Тигрицу вычислил, как только она подошла.

Парень был мощный, очень красивый, не кентавр – нормальный был парень. Он заманивал к себе под шелковую простыню неуклюжих белокурых пампушек и раздевал их. С одной снял кофточку, с другой маечку... Тигрица не выдержала и поднялась к нему на тумбу.

Она его коснулась, провела осторожно пальцами по плечам, а потом прислонилась щекой к его монолитной груди и лизнула сосок. Посмотрела на него, как в джунглях – «мы с тобой одной крови, ты и я». Испанец понял, он раздевал ее красиво, как родную. Поднимал ее высоко, показывал всем, какая она легкая и хрупкая, а потом ласково освобождал ее от одежды. Сначала платьице голубенькое полетело, за ним и лифчик...

Сливки взбитые, конечно, были у мачо в баллончике, он угостил Тигрицу, и она облила ему и руки, и живот. Потом нырнула с головой к нему под простыню, завязанную на бедрах. Выныривала несколько раз, смотрела в глаза ему с восторгом. Испанец поправил ей челочку, погладил ушки и поднял над собой, чтобы она потанцевала немножко у него в руках. Над ним она прогнула спинку, обняла его бедрами, он посадил ее к себе на грудь и окунулся в нее. И вот тут у всех крышу снесло. Народ завизжал. Всех пробило. Шесты были заняты, кто там только не извивался. Макс, даже Макс загорелся, взял меня за руку и рванул к себе. Я съехала спиной по его джинсам. Несколько раз я съезжала, мне понравилось это безобразие.

– Мама! – он меня обнял с разворота. – Что я делаю!

Ну... я тоже его немножко потискала, прихватила где-то там, за поясницу... Было жарко, хотелось убежать на пляж и снять там босоножки.

А потом я увидела, как целуются Испанец с Тигрицей. Они хорошо целовались, серьезно, укрылись синим шелком и плевать на всех хотели. Я взглянула на этот поцелуй, и мне стало плохо. Вот сколько раз уже говорила – я не люблю стриптиз, не люблю порно, ненавижу любовные романы, терпеть не могу мелодрамы, ненавижу, когда целуются на улицах... Ненавижу, когда другие целуются, а смотрю. Неприятно, прямо сразу под сердцем колет, дышать тяжело, и сразу так грустно становится, как будто я пленку от фотоаппарата засветила.

Где-то рядом, за правым плечом, кричала Алена:

– Еще текилу!

После этого ей хватило сил на многое. Она проследила, чтобы голую Тигрицу не похитила пьяная молодая немчура. Просто кулак показала, и тинейджеры разошлись.

Алена отбила Макса с Сашулей от компании немецких геев. Парни хотели выпить за дружбу, возражений принимать не хотели. Но подошла Алена и гаркнула на них:

– Крым наш!

Ее мгновенно поняли. Улыбнулись и пожелали всем «гуд найт».

На выходе она пересчитала всех по головам и даже заметила, что одной не хватает.

– Где Синди? – спросила Алена.

– В туалете, – ответили ей. – Где же еще.

– Двое за ней в туалет, – командовала Алена, – остальные в такси!

Она погрузила в машины наши пьяные тушки, довезла в гостиницу, и только тогда силы ее покинули.

Алена не вышла к завтраку и весь день не вставала. Девочки заходили справиться о здоровье мамочки. Каждая приносила конфетку, апельсинчик, стаканчик черешни... Предлагали вино и пиво, но Алена отказывалась.

– А что ты ела? В этом баре, – все почему-то первым делом спрашивали про еду.

– Один гамбургер, – шептала она.

И все единодушно соглашались:

– Точно, гамбургер! Это все из-за него.

А я завязала с ночной жизнью. Подъем в шесть утра – и на море. В такую рань на пляже никого не было, даже бегуны спали. Только в магазинчиках начинали греметь ставнями и уборщики заканчивали свою работу.

Кстати, я выяснила, кто на импортных пляжах выковыривает из песка окурки. Это делает большой зеленый комбайн. Он проезжает все площадки вокруг зонтиков, выравнивает песок и оставляет за собой такие же следы елочкой, как трактор. Управляют этими машинами всегда мужчины, только испанцы, только красивые. Дворник на пляже – блатная должность, утром с мешочком прошелся, и весь день свободен. Мне такую работенку ни за что не получить.

8. Кислота

Обратный рейс задержали, так что весь стриптиз и я шатались по зданию аэропорта. По всем магазинам дьюти-фри, то в алкогольной секции, то в парфюмерной было слышно, как орет Джессика: «Шамиль! Шамиль!». Ей до сих пор не надоело ругаться со своим бойфрендом:

– Шамиль! Я поняла, нам нужно пересмотреть наши отношения! Это не любовь, нет... Шамиль, ты думаешь, что это любовь, а я думаю, что это не любовь.

Алена вытаскивала свой курятник из дьютиков и каждой красотке читала нотацию.

– Вы понимаете, что нас объявят в любую минуту? Самолет не будет ждать, пока вы купите себе бухло! Где все? Где Милана?

– Миланы нет! И Синди нет!

– Все ищем Милану! – кричала Алена громко и хрипло, как в мегафон. – Встречаемся у туалета! Синди сто пудов застряла в тубзике!

Маленькая спортсменка Милана прошла таможенную самую последнюю. Она долго стояла у красной линии и прощалась с толстым коротышкой из арабской пиццерии. Все девочки прошли, а Милана все никак не могла оторваться от своего кабанчика. Парень держал ее крепко смуглыми короткими лапками, что-то говорил, то ли на испанском, то ли на английском, про самолет и мысли не было у обоих. Когда он ушел, Милана долго оглядывалась, но за серыми спинами высоких испанских полисменов толстого не было видно. Рядом с ними он казался уродцем.

– Как это называется? – Алена на нее зарычала.

– Любовь, – ответила ей Милана.

И хоть бы секунду засомневалась! Нет, она сразу четко отчиталась:

– Любовь, – и вздохнула: – Ох, Господи, что ж теперь делать-то...

Вот такая система у них, оказывается. Сначала все говорят: «И ничего не поделаешь – любовь». Потом вздыхают: «Любовь... Что ж теперь делать-то».

Мне стало дурно, я ушла в зал вылета. В этой компании я оказалась самой страшной извращенкой. У меня обнаружилась устойчивая реакция отторжения всего этого мусора, который в народе называют «любовь». От одного только слова мне становилось противно. «Любовь, любовь, любовь...» Если повторить раз десять, меня точно вырвет.

В зале у выходов к самолетам на мягких черных диванах дремали туристы. Все были немного помяты, и у каждого на опухшем загоревшем лице было одно и то же удивленное выражение: «неужели это я». Все сонно жевали, кто чипсы, кто шоколадку. Только один мужик в огромном сомбреро бегал по рядам от своей растрепанной тетki.

– Отстань от меня! – голос у него был хриплый, бармалейский. – Я тебе сказал, отстань!

Женщина пыталась отобрать у этого мексиканца бутылку виски и лупила его сумочкой.

– Сволочь, скотина, пьяница, кабан! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Она визжала противно, по-бабски, но когда у нее зазвонил телефон, дама ответила официальным тоном, приблизительно на уровне главного бухгалтера:

– Слушаю вас, Александр... Понимаю вас, Александр. Извините, Александр, но я сейчас не в Москве. – И небрежно добавила: – Я на Майорке.

За стеклом разворачивался «Боинг», поле рядом с полосой было все в красных маках, и синие горы, и пальмы из зала еще было видно, но никто на них уже не смотрел. Я искала

свободное местечко. Увидела Синди и остановилась с легким удивлением. В руках у нее была книжка, и держала она ее не кверху ногами.

– Интересно? – я присела рядом.

– Ага! – Она азартно сплюнула в кулак скорлупки от фисташек.

Синди читает книжку – это меня удивило, я сразу заподозрила, что-то тут не так.

– Это твоя книжка? – спросила я у нее.

Она поняла мой подтекст и улыбнулась:

– Нет. В туалете кто-то забыл.

Это была моя книжка, мой первый роман с ужасным названием «Любовь, любовь, любовь». Я вдохнула поглубже, чтобы меня не вырвало, и пересела подальше, мне было неприятно смотреть на обложку, там, в уголочке, была моя фотография. Синди меня не узнала, и я сама себя тоже не узнаю.

Я разлеглась на три кресла, положила сумку под голову и закрыла глаза. До рейса оставалось больше часа, можно было вполне и поспать. «Покой и воля, покой и воля», – я себя убаюкивала, но поспать мне не дали. За спиной, с обратной стороны дивана, сидела Тигрица и рассказывала своим плачущим голосом интересные вещи.

– Я жила в нирване два года. Все было в кайф, ничего не надо...

Я сначала подумала, что Тигрица тоже завела про любовь, полезла в сумку за наушниками, но нет, Тигрица говорила про кокаин.

– Утром дорожка – и я поперла по городу. Иду, улыбаюсь, как идиотка. А потом началась такая измена. Как-то закрылись с подружкой в клубе в туалетной кабинке, только насыпали и тут слышим: «Все на пол! Полиция!» Я все выбрасываю! Руки дрожат! Кто сдал меня, думаю, кто сдал. Дверь трясется. Я говорю: «К нам ломаются!» – а подружка мне: «Ты что, тут никого нет...»

Сашуля и мама играли в нарды. Макс скидывал в Сеть последние испанские фотографии. Я пересела к ним, все-таки с ними было спокойнее.

Мы с Максом обменялись телефонами. Назначили прием. Я согласилась и на брови, и на губы, и на уколы витаминчиком. Я даже смогла повторить за Максом по слогам – биоревитализация. Алена сразу превратила это все в мероприятие.

– Сначала ты к Максусу в клинику, потом мы все вместе к Сашуле в ресторан, а оттуда все ко мне, в клуб.

«А почему нет?» – я подумала. Все кругом уже давно на ниточках. И Сашуля, и Тигрица, и Алена... Все хотят гладкую рожу, сейчас это тренд... Я была уверена, что приеду. «Надо ехать, – я себе говорила, – нужно меняться. Пройдет лет пять, и все равно ведь побегу как миленькая». Но когда Алена зашла в кабинет к Максусу, меня там не было.

Почему не пошла на уколы? Потому что! Я посмотрелась в зеркало и поняла – коллаген не поможет! Да, я могу запустить его в губы, могу уколоть кислоту под бровь, а что я в глаза уколю? Какую отраву мне нужно ширнуть, чтобы они заблестели?

Нет, не поеду, не поеду, я решила. Ха! Разве сможет заменить какая-то там кислота все эти натуральные штучки, которые делали меня легкой и не кончались, не рассасывались через полгода, как гиалурон, а плавали в моей крови, пока не закончились сами собой все эти химические реакции, которые люди называют любовью. Нет, нет, нет, я не хочу никакую синтетику.

Я передумала. Сварила пельмени, посыпала укроп в горячую кастрюлю, сметанкой побаловалась... И тут позвонила Алена: «Где ты? Мы тебя ждем! Как? Ты еще дома?».

Я что-то отвечала... «Не поеду! Я сожру кастрюлю пельменей! Пусть он сам себе колет свой коллаген», – Алена уверяет, что именно это я кричала по телефону, но я не помню. Я не могла сказать такое, она преувеличивает.

Когда Алена положила трубку, Максим взял шприц. Он подошел к зеркалу, оттянул себе верхнюю губу и без всякого наркоза вогнал себе длинную тонкую иглу до конца. Игла проступала над контуром верхней губы под тонкой кожей в этом самом чувствительном на лице месте.

– Боль адская, – он это даже не сказал, а прошипел одним воздухом из горла.

На глазах у него проступили слезы, он сморгнул, Алена отвернулась. Макс задержал дыхание, чтобы рука у него не дрожала от боли. Он смотрел на свои губы и выводил иглу осторожно, по капле выпуская кислоту.

Стамбульский папа

Держите меня, ничего не могу с собой поделать – люблю я толстых, маленьких и лысых. И чтоб глаза были черные, а брюшко чтоб пушистое. И чтобы они мяукали, мяукали, мяукали... Мужчины-коты мне нравятся. Да, и нос должен быть длинным. Неважно, чей это будет нос, еврейский или армянский, в данный момент меня интересует один турецкий нос.

Только он заболел, к сожалению, у него температура и насморк. Вчера вернулся из России, вот у нас-то его и просквозило.

1

Господин Ахмет прикатил на свою фабрику в отвратительном настроении.

Как только он вышел из машины, старый охранник сразу это заметил: «Злой, как шайтан». Догадаться легко, господин Ахмет запарковался нервно, резко завернул на свое место и остановился в одном сантиметре от высокого железного забора.

А над забором – огромные золотые буквы. Перевести с турецкого мне сложно. «Плавильные печи. Серьезная фирма» – примерно так это звучит по-русски.

Охранник поднял шлагбаум и вышел из своей каморы. Шефу он поклонился и улыбочку зафиксировал.

– День добрый, Ахмет-бей.

Хозяин не ответил. Упулился в носы своих ботинок и протопал мимо. Охранник дождался, пока Ахмет-бей скроется за железными воротами цеха, и закрыл проезд.

– Вот они, деньги-то, что с людьми делают, – старый турок был огорчен. – Раньше-то было – со всеми за руку здоровался. Да остановится, да спросит, как дети, как жена, как овцы твои...

Чтобы попасть к себе в офис, господин Ахмет должен пройти через цех. Пятнадцать лет назад, когда вся эта фабрика только строилась, каждое утро рабочие выходили из-за станков навстречу хозяину, поздороваться. И каждому Ахмет-бей успевал пожать руку. Это был ежедневный ритуал, старая команда к нему привыкла. И сейчас тоже все хотят услышать командирское слово. Ахмет понимает, людям мало того, что ты им платишь, людям надо, чтобы ты их еще развлекал и воспитывал при необходимости.

«Братья мусульмане! – вот как раньше Ахмет говорил. – Снилось мне – мы порвем этих америкосов!»

И ведь в руку были все его сны. Из простого инженера американской фирмы Ахмет превратился в ее конкурента. «Степ бай степ», или, если по-турецки, «корак по корак» – так он объяснял свое восхождение к успеху. Кажется просто, шаг за шагом, да только не каждый сможет догнать Ахмета, слишком уж бойко стучат на асфальте его шаги.

Годы прошли, народу на фабрике прибавилось, и теперь ему некогда с каждым за руку здороваться. Кивнет мимоходом – и то хорошо. А народ обижается, людям, оказывается, не хватает крепкой лапы.

А нечего на шефа обижаться! Вот взял бы он сам, этот старый охранник, сел и подумал: если Ахмет-бей начнет с каждым раскланиваться, когда он к себе в кабинет доберется? К обеду, не раньше.

Господин Ахмет щелкает каблуками по цементному полу, пальтишко на ходу расстегивает, а рабочие косятся на него из-за станков. Думают, «шеф возгордился, шеф зажрался, шеф забыл заплатить своим людям новогоднюю премию». Припоминают Ахмету новую виллу на озере. Да, да... Припоминают.

А он-то, бедный, с температурой, носом шмыгает... Песню свою вечную, самую грустную поет: «Никто меня не любит! Никому я не нужен! Всем нужны мои деньги! Только деньги!»

В стеклянную дверь секретарша увидела, как приближается этот маленький танк, и построилась.

– Отправь водителя в аптеку, – просипел Ахмет-бей, – я простудился.

Без лишних любезностей он прошел к себе в кабинет и за дверью громко чихнул.

А какой у него кабинет! Вид на горы, на снежные вершины, на облака... Главный фасад офиса стеклянный, витражи тонированы синим, тонировка делает еще более глубоким небесный оттенок. Две горные макушки, белые от снега, сверкают в ясный день. Да и не в ясный тут неплохо. Если собираются тучи, господин Ахмет видит, как они сползают с гор, как они клубятся и темнеют, а все прелести промзоны, грохот металла, дорожная пыль, все это остается внизу.

Десять лет назад, когда еще не было никаких витражей, а только бетонные перекрытия стояли посередине стройплощадки, господин Ахмет... Впрочем, тогда он не был еще господином... так вот, Ахмет затащил сюда наверх свою любимую русскую женщину и показал ей снежные вершины.

– Смешной ты человек, – она ему ответила. – Хочешь удивить русскую женщину снегом. Я вообще-то из холодной страны, ты бы меня лучше морем удивил.

– Что желаешь, дорогая? – спросил Ахмет великодушно. – Все сделаю для тебя.

– Квартиру в Анталии. Широкий балкон, цветочки, на крыше бассейн...

– Будет, – Ахмет обещал, – со мной у тебя все будет. И балкон, и бассейн у тебя будут, и цветочки. Вот построю фабрику – и будет у тебя квартира в Анталии!

Восточная хитрость была проста: обещай женщине все, что она захочет. Все, что ни просит, обещай, пусть мечтает. Когда говоришь женщине «да», она уже получает удовольствие и привязывается к тебе своими мечтами. Так что Ахмет не обманывал, он обещал.

А что такого? Разве кто-то не понимает, что только сказка быстро сказывается? Десять лет, не меньше, нужно потратить, чтобы организовать себе такой светлый воздушный кабинетик.

А кресло у Ахмета какое удобное, прям садись и катайся. Он рухнул в это кресло, открыл ноутбук и начал просматривать почту.

Ничего срочного не было, в основном новогодние поздравления от партнеров и клиентов. И кое-что личное. Ахмет увидел письмо от сына и в первую очередь начал читать его.

«Отец, я не хочу с тобой встречаться, – отписался наследник, – не вижу в этом смысла. Ты променял мою мать на иностранку, ты меня бросил, я не хочу с тобой разговаривать, мне не нужна твоя фабрика, я тебя не люблю».

Вот и все. Обидел папу. Отца обидел – глазом не моргнул. Ахмет согнулся весь в своем кресле, как начал кашлять – до слез раскашлялся. «Бьешься, бьешься, – он полез в карман за платком, – фабрики ему строишь, по миру носишься, а он тебе кебабы крутит».

Сыну Ахмет не ответил. Это была его самая любимая восточная хитрость: когда не знаешь, что ответить, – не отвечай ничего.

Через пять минут доставили лекарства. Секретарша заварила чай и принесла на серебряном подносе дорогому шефу в кабинет. Заодно аккуратно положила на стол приказ о новогодней премии, который Ахмет забыл подписать перед отъездом в Россию.

– Бухгалтер просил, чтобы вы посмотрели...

Ахмет сгорбился и тяжело, надрывно закашлялся.

– Вот еще срочное... – секретарша подсунула факс, тревожно заглядывая шефу в красные больные глаза. – От наших украинских партнеров.

Господин Ахмет заглянул в бумагу: «...Вынуждены прервать сотрудничество, в связи с форс-мажорными обстоятельствами...» Дочитать не смог, его накрыл новый приступ кашля. В груди как будто поселились кошки и царапали когтями, воздух вырывался со свистящим хрипом.

Секретарша открыла пузырек с зеленой душистой микстурой. Ахмет понюхал, зелье пахло горькими травами.

– По две ложки. По две ложки, Ахмет-бей... – Девушка положила шефу последнюю бумажку. – Вот еще письмо от русских.

«Просим Вас предоставить нам скидку в размере 20 % в связи с...»

В связи с чем русские хотят скидку, он не дочитал, потому что в легких началась такая резня, как будто Ахмета кололи острием кинжала. Он схватился за горло и глотанул зеленую микстуру прямо из флакона.

Секретарша изобразила сострадание и, прикрывая нос, быстро удалилась из кабинета.

И сразу понеслось по фабрике: «Ахмет ужасно простудился. Летал в Россию за своей блондинкой и заболел».

На стене у Ахмета висит карта мира. Красивая яркая карта в позолоченной раме. Ахмет все время смотрит на Россию. Сначала на Турцию, маленькую, а потом на Россию, огромную. Россия его возбуждает. Для него это не страна, не кусок земли, Россия – это женщина, славянка с роскошными формами. Объемы его возбуждают. Маленький Ахмет обожает крупных женщин. Он хочет Россию, и все на фабрике это знают. И женщина его любимая русская, когда переводит землякам на деловых переговорах, всегда добавляет, от себя, тихо в сторону: «Торгуйтесь, торгуйтесь, он уступит. Россию хочет – аж дрожит!»

2

Так вот он в нашей-то России болезнь и подхватил, как бы не воспаление легких. Немудрено, у нас в конце декабря было минус восемнадцать, метель, порывы ветра, снежные заносы. В аэропорту Ахмета никто не встретил. Любимая женщина на звонки не отвечала. Сброшенные вызовы раздражали Ахмета до скрежета зубов.

Он приземлился в осеннем пальто и прыгнул в первое стоявшее такси. Никак не мог назвать улицу, ломал язык, перебирал на память:

– Казакова, Лузакова, Узакова...

– Лизюкова, – подсказал таксист.

Ахмет звонил любимой женщине всю дорогу, пока ехали холодным мрачным городом, который намертво заносило снегом. В заносах были все тротуары, сугробы намело до окон первых этажей, а снег продолжал падать.

Ахмет был в России не в первый раз, но все равно удивлялся. Случись такая беда в Стамбуле, там сразу же остановилось бы движение, но тут все ехали, даже обгоняли, и люди шли по улицам как ни в чем не бывало, только пригибались от ветра и прятали лица в шарфы.

Ахмет отправил СМС: «Я приехал», «Я подъезжаю», он был уже на месте, но ему по-прежнему не отвечали. По памяти в глубине двора он нашел и дом, семиэтажный, и подъезд, второй от торца, и окно на первом этаже. Свет горел, тень мелькала, любимая женщина была дома. Ахмет нажал кнопку с номером квартиры, но домофон молчал.

Замерз он моментально, на ветрухватило и пары минут. Он начал подпрыгивать, при-таптывать снег под окном, звонить и опять отправлять СМС. «Анжела! Я тебя люблю!», «Открой, Анжела! Мне холодно!». Силуэт в окне мелькнул, свет погас, а потом включился в другой, в дальней комнате.

Двор замело, там, где были песочницы, стояли двухметровые сугробы, от грибочков остались одни шляпки, ветер толкал заледеневшие качели, и они скрипели, тоскливо и противно, как в морге.

На дороге блестела накатанная ледяная лента. Двое мальчишек скользили на ней, разбегались и проезжали на согнутых ногах.

В торце дома был магазин. Время от времени люди шныряли туда из своих подъездов. Все прикрывали носы перчатками и бегали одним маршрутом: из подъезда в магазин, из магазина в подъезд.

Ахмет тоже зашел в этот магазинишко погреться. В углу, где стояли пивные кегли, он попросил чашку кофе. Что-то ему развели из пакетика. Он понюхал, выпить не смог, но руки погрел о теплый стаканчик.

Внезапно нахлынули подозрения. Он отправил несколько сообщений: «С кем ты, Анжела? Кто у тебя в квартире? Ответь мне, ты не одна?».

И снова ответ не пришел, из теплого магазина Ахмет кинулся на мороз, на ветер, под окно. Анжела не открывала, только дразнила моргающим светом.

Последний раз любимую женщину Ахмет видел месяц назад. Он лично вызывал для нее такси и быстренько, быстренько выпроваживал из своей квартиры. Красивой женщине пришлось на ходу застегивать сапожки, на бегу подтягивать колготки и в лифте разбираться с застежками и шарфиком. Свиданье пришлось сворачивать, потому что Ахмету позвонил его сын и сказал, что ему нужно срочно встретиться с папой.

Такое уже случалось. «Я еду, папа, это важно», – говорил ребенок, и Ахмет быстро отсчитывал сумму, которую выделял на жизнь для своей иностранки. Иностранкой, словом в Турции почти неприличным, любимую женщину Ахмета называл его сын.

«Твоя иностранка сбежит от тебя в Россию, – дерзил мальчуган, – ты ей не нужен, ей нужны только твои деньги». Ахмет не верил, он знал, что ребенок повторяет этот тезис за своей матерью, но все равно побаивался.

Все десять лет после развода родителей мальчишка регулярно обламывал папе свидания. Ему исполнилось семнадцать, но правила не изменились: парень звонит, Ахмет достает бумажник, Анжела выметается.

– Через порог нельзя, – она ему напомнила в последний раз.

– Увидимся, дорогая.

Ахмет ее торопливо чмокнул, уже не голодным, не горячим, а скользящим сытым поцелуем.

Когда Анжела села в такси и уехала, ребеночек перезвонил и сообщил, что у него возникли неотложные дела в университете... И только сейчас!.. Только сейчас, когда Ахмета приморозило на русской улице, он догадался, откуда у сынишки такое острое чутье на русскую любовницу. Соседка по лестничной клетке была знакома с бывшей женой и позванивала, если замечала, когда в квартире у Ахмета появляется высокая блондинка.

А если и так? Разве это повод – уезжать в Россию, запираяться, держать мужчину на морозе? Да на ночь глядя? Да в вашей варварской стране? Да тут у вас на Лизюкова его ограбят, в сугроб укатают и глазом не моргнут. И что потом мы будем делать?

Стемнело моментально, хотя не было еще и четырех часов. В окнах горел свет, по елкам бегали цветные огоньки, на третьем этаже танцевали парень с девушкой. Ахмет наблюдал с дикой завистью, как они перемещаются по теплой комнате, подходят друг к другу и обнимаются... А парень взял и шторы задернул. И у Анжелы окно не горело, по мерцающему приглушенному свету было понятно – любимая женщина спокойно смотрит телевизор.

3

Господин Ахмет знал своего ребенка очень хорошо. Да, мальчик у него манипулятор. Развод с его матерью случился, когда мальчишке было шесть, и до сих пор ребеночек умело нажимает эту кнопку. Правильно делает, Ахмет на сына не обижался. Если метод эффективен, почему бы им не воспользоваться многократно. «Молодец, сынок. Из него выйдет хороший бизнесмен», – этого Ахмету очень хотелось.

Сын получился красивым, не таким, как маленький кривоногий Ахмет. Мальчик выше отца на голову, и подрастет еще, и в плечах прибавит. Лицом он похож на Ахмета, и нос тоже острый, и глаза такие же властные, но черты его мягче, нежнее, как у матери.

Ахмет любил встречаться с сыном в старых ресторанах, где все ему кланялись. «Ахмет-бей с сыном» – это звучит покруче, чем просто Ахмет.

Красивые люди всегда вызывали у Ахмета легкое преклонение, он понимал, ему, с его приплюснутой макушкой и короткими загребущими лапками, таким, как они, не стать никогда.

Свою жену он выбирал как раз за красоту. Ей было восемнадцать, когда Ахмет на ней женился. Закончила восемь классов, турецкая девочка, и сидела у окошка, ждала, когда ее возьмут замуж. Так до сих пор все и делают, в маленьком закрытом городе, где женщины не снимают платков.

Сватались двое, Ахмет и еще один, красавец. Ахмет – коротышка, плечи узкие, кудри уже тогда были редкими, да и глаза не имели своей нынешней власти, туманные были глаза, как у рыбы. Он смотрел на свежую невесту с нежной кожей и думал: кого она выберет, его или красавчика?

Конечно, красавчика, после восьмого класса девочки всегда выбирают блестящее. Но тут вмешалась турецкая мама. Дочке она быстро внедрила: «Твой красавец не имеет диплома. Он шофер и всегда будет простым шофером. Ахмет инженер, он работает в американской фирме, он умный, я чувую, будут у него большие деньги».

Маму послушали. Благодаря теще Ахмет обошел красавчика, и, кстати, американская фирма была не последним аргументом в его пользу. Через год жена родила ему сына, других детей у Ахмета не было.

Так вот, ребенок в очередной раз испортил папе встречу с его блондинкой и перезвонил, как только она удалилась. Замутил, что вообще-то он еще в Стамбуле, у него лекции, а разговор можно перенести на завтра-послезавтра.

– Это касается мамы, – он сказал. – Она начала работать. Ты знаешь?

– Мама? Пошла на работу? – Ахмет удивился, – Как давно?

– Недельку назад. У нее там проблемы, но лучше она сама тебе расскажет.

Но как же! Ахмет настроился, проводил свою женщину и забыл, как ее зовут, так всегда случалось, когда он переключался на сына. И вдруг послезавтра...

– Я подъеду к тебе, в университет, – сказал он. – У меня как раз есть дела в Стамбуле.

Через час Ахмет был на Галатском мосту. Чудесное место: направо Босфор, налево Босфор, а впереди синие шапки и острые башни знаменитых стамбульских мечетей.

Вдоль моста стояли рыбаки, их всегда там много, весь мост был забит рыбаками, так что удочкам было тесно. Турки следили за поплавками, облокотившись на ограждения, и у каждого рыбака в ведерке что-то плескалось. Некоторые стояли с утра, а некоторые приезжали в обеденный перерыв, прямо в офисных костюмах. Клерки быстро разматывали

удочки, брали чашку кофе у разносчика и отдыхали. Покидают полчаса – и снова в офис. Их машины занимали весь правый ряд, поэтому на мосту замедлялось движение.

Ахмет набрал своего сына, но телефон у парня был выключен. «Наверно, на лекции», – подумал Ахмет.

Он приехал в университет, покрутился, как всегда с легким трепетом, на старинных парадных ступенях, и что-то вдруг его потянуло зайти, взять счет на оплату второго семестра.

В деканате он назвал свою фамилию и ждал, когда же вот эта милая женщина из канцелярии всплеснет руками или вот этот профессор с чашкой кофе у окна обернется и скажет: «Какой у вас умный мальчик!».

Так всегда говорили про Ахмета его родителям. Он был отличником. Да, умница! Чего уж скромничать, один из четверых детей он сам бесплатно получил высшее образование.

Темная нора – таким был дом его родителей. Электричества не было, Ахмет учил уроки с керосинкой. Семья ложилась спать, а он все сидел с книжками в уголке или вообще под столом, Ахмет завешивал стол одеялом, чтобы никому не мешать.

– Ложись спать, – мама ему говорила. – Глаза испортишь.

А отец всегда заступался:

– Пусть учится. Будет у нас инженером. Будет у него своя фабрика и русская любовница.

За русскую любовницу отец получал – мать толкала его с пуховой перины. На пол он падал громко и весело.

Стены университета разволновали Ахмета, он снова вспомнил свою керосинку и улыбнулся. Это было приятное воспоминание.

Профессор, тот, что пил кофе у окна, подошел к нему и говорит:

– Простите, а как выглядит ваш сын? Очень хочется с ним познакомиться. За первый семестр я ни разу не видел его на своих лекциях. Может быть, вам не стоит платить за второй?

Из университета господин Ахмет выскочил как ошпаренный и, чтобы немного успокоиться, побежал, не глядя, через площадь по аллеям зеленого парка. В ближайшей мечети включили динамик, он разнес по улице тревожную муэдзинскую песню, и примерно то же самое звучало в душе у господина Ахмета. Он выбежал на проспект Ататюрка и только там немного отдышался.

4

Центральная улица была полна народу. Ахмет от стыда своего не хотел смотреть на людей, но его глаза по привычке ловили русских блондинок. Блондинки! Это была его слабость. Из-за блондинок жена Ахмета и подала на развод.

В то время он много ездил в командировки на Украину и в Россию. После этих поездок на его телефон приходили сообщения. Все они были написаны по-английски, неграмотная турецкая женщина не могла их прочитать. Кто же знал, что она перепишет эсэмэски на листок и сходит с этой бумажкой к своим грамотным подругам.

Жена перевела невинную переписку турецкого мужчины со славянками, и когда он вернулся из очередной командировки, она не пустила его в дом. Выставила чемоданы и сказала: «Больше ты меня никогда не увидишь». В турецких семьях это самое страшное ругательство, которое говорят мужья или жены перед тем, как друг друга зарезать.

А все равно блондинки нравятся Ахмету! Славянки его тонизируют. Он шел по проспекту, рассматривал короткие юбки, распущенные волосы и маленькие куртки, под которыми двигались обтянутые джинсами бедра – все это поднимало ему настроение. У арабского рынка, где русских девушек всегда особенно много, господин Ахмет был уже в норме.

Там, на проспекте, его остановили две туристки и спросили по-русски, ни секундой не сомневаясь, что Ахмет их поймет:

– Мужчина, подскажите, пожалуйста. Мы правильно идем в Еребатан?

– Да, – ответил он.

И обязательно! Конечно! Улыбнулся своей неподражаемой, лукавой и опасной для русских женщин улыбкой.

Блондинки вздрогнули и засмеялись. Ахмет был готов проводить красавиц до самого Еребатана. Гнев покинул его, и он спокойно позвонил своей бывшей жене.

– Дорогая, – он спросил, – ты не в курсе, где наш ребенок?

– В университете, – она ответила.

– Его там нет. Он не ходил на занятия весь семестр. Ты знала об этом?

– Нет, не знала.

– Но ты же мать...

Ахмет сказал это абсолютно спокойно, так что со стороны никто бы не заметил ни упрека, ни вопроса. «Но ты же мать! Овца! Куда ты смотришь?» – приблизительно так это звучало бы по-русски.

– Но я ведь женщина, – ответила ему жена.

В переводе с турецкого это означает: «Я родила, какие еще вопросы?»

– Хорошо, – Ахмет согласился, провожая взглядом стройные ножки в узких сапожках. – Когда появится, скажи, что я хочу с ним поговорить.

– Конечно, я скажу.

На этом деловая часть беседы была закончена, но дипломатическая только начиналась.

– Как ты поживаешь? – спросил Ахмет жену.

– Хорошо, – она ответила, но тон ее стал печальным.

– Ты расстроена?

– Нет, – она выпустила легкий всхлип.

– Ты плачешь?

– Нет, – она еще немного поднажала на слезу, – тебе это неинтересно, это мои дела...

– Расскажи, – попросил Ахмет, – что случилось?

Женщина секунду помолчала, сосредоточилась. Она понимала, деловому мужчине проблему нужно излагать четко, ясно и коротко.

– У меня неприятности на работе, – сказала она. – Ты же знаешь, я решила пойти на работу? Я работаю с прошлой недели...

– Зачем? Разве тебе недостаточно моих денег?

– Мне хватает, но сын уже взрослый. Я пошла диспетчером в наше такси... – вот тут она вздохнула и заплакала в голос. – А хозяин ко мне пристаёт. Не даёт мне прохода...

– Кто он?

У Ахмета, у этого очень самолюбивого собственника, включились защитные рефлексy. В маленьком городе, где все его знают, какой-то нахал позволяет себе приставать к его жене. Бывшей не бывшей, какая разница? Главное слово – его, его жене, Ахмета.

– Он тебя знает! – плакала женщина. – Он знает, что я твоя жена.

Это был главный аккорд, а дальше пошли уже легкие гаммы:

– Завтра моя смена. Мне нужно идти, я не знаю, как мне с ним разговаривать....

Ахмет улыбнулся и подумал: «Глупая беспомощная женщина».

– Дорогая, какую он тебе назначил зарплату?

– Три тысячи.

Лир, господа, мы в Стамбуле, зарплата диспетчера – три тысячи лир, но и это неплохо для малообразованной турецкой женщины.

– Я добавлю пять тысяч к твоим алиментам, только, пожалуйста, больше не ходи на эту работу.

– Хорошо. – Турецкая женщина стыдливо потупила глазки. – Спасибо, Ахмет.

– И скажи сыну, пусть от меня не прячется.

– Да, я поговорю с ним. Еще раз спасибо тебе.

– Не волнуйся, я отправлю тебе чек.

Чмок, чмок, чмок – вот так вот мило поговорили бывшие супруги через десять лет после суда, на который жена Ахмета не явилась, за нее отдувался адвокат.

Осень была теплой, кафе не разобрали свои летние террасы. Ахмет присел за столик, попросил чашку кофе и виски. Рядом остановилась передохнуть молодая турецкая пара. Девушка была в черном хеджабе, она улыбалась, как все молодые женщины, которых только что взяли замуж. Они поэтому ходят закрытыми, для того и носят свою паранджу, чтобы хвалиться подружкам – «вау! я замужем». Девушка закинула ногу на ногу, под черной тканью показались кроссовки и джинсы.

Напротив стояли лоточники с орехами, очками, сувенирами и оранжевый автомат, на котором сушеный старец выжимал апельсиновый сок. Туристы останавливались выпить фреш, и тут же к ним подходил чистильщик обуви. От его услуг все отказывались. Какой-то немец или бельгиец с раскрытой картой Стамбула тоже отмахнулся и перешел трамвайные пути, оглядываясь по сторонам. Чистильщик подхватил свой ящик с ваксой и весело вприпрыжку направился в том же направлении. Он обогнал европейца и обронил на брусчатку деревянную щетку из своего ящика.

Ахмет знал этот старый трюк всех чистильщиков обуви. Сейчас он пройдет, как будто не замечая пропажи, несколько шагов, а потом...

– Мистер, мистер! Вы потеряли! – крикнул ему вежливый европейец.

Чистильщик оглянулся, посмотрел на свою щетку, как на дочь родную, и радостно хлопнул руками.

– Сеньк ю! Сеньк ю!

Он подошел к европейцу и поставил перед ним свой ящик.

– Ноу, ноу, – отступал турист.

– Ю а май френд! Итс фри!

Черной ваксой чистильщик наяживал немецкие ботинки и между делом рассказывал про своих пятерых детей. «Файв чилдрен, – он повторял, – файв чилдрен!»

За спектакль хитрый турок получил сотню лир и раскланялся, как настоящий артист.

Счастливый свободный был человек! Весь день на свежем воздухе! Гуляет в центре города! В ящике у него крем для обуви и пара щеток – три кило поклажи, не больше, несет этот чистильщик на своих плечах. Ахмет ему завидовал: «У этого три кило – и радость, а у меня целая фабрика – и сплошная головная боль».

5

Ахмет вспомнил про свою любимую блондинку. Он решил к ней заехать и все рассказать. Русские женщины очень внимательны, они, как няньки, возятся со своими мужчинами и никогда не говорят: «Я ведь женщина». Вот за это Ахмет и любил нас, славянок, потому что мы добрые, мы свой материнский инстинкт распыляем нещадно на детей, на мужчин, нам без разницы. И Ахмет к этому давно привык.

Он выехал из центра и вышел на шоссе, которое лежало вдоль старой крепостной стены. На окраине стена не была такой величественной, как в центре. И высота поменьше, и арки обсыпались, но вся эта рухлядь очень трогательно вписывалась в тихую жизнь вдали от дворцов и мечетей.

Кто-то придумал использовать древние камни вместо фундамента, и в нишах между бойницами пристроили домики. Узкие развалюшки стояли прямо на стене. Там было тихо, топились печки, дымок едва заметный выползал над темной черепицей. Низкие черные ниши под стеной заросли плющом, в одной из них стоял диван, выброшенный на улицу. И кто-то там посиживал в тенечке.

И тут же, возле древности, были разбиты огороды. Земля была черной, под зиму пустой, но какая-то бабка в цветастой косынке ковырялась, задравши пышный зад, выбирала камни из своих грядок.

Ахмет проехал мост, сощурившись от солнца и сверкающей воды, и свернул в новые районы, там жила его любимая русская женщина. Он хотел сообщить, что уже свободен, что может снова забрать ее к себе или остаться у нее, хотел пожаловаться на сына-двоечника, рассказать про жену-лахудру... Но, к его удивлению, русская любовь ответила по-турецки: «Больше ты меня никогда не увидишь».

Ахмет спешил застать Анжелу дома, но в вестибюле к нему подошел консьерж и вручил конверт с ключами. «Вам просили передать» – и до свидания. Консьерж ничего не смог объяснить, он не знал, куда подалась госпожа.

Ахмет искал свою блондинку в Стамбуле, в Анкаре, в Анталии. «Ангела исчезла! Ангела исчезла!» – ко всем друзьям прилетело такое сообщение. Друзья сказали, что из Турции Ангела уехала, поэтому под Новый год Ахмет отправился за ней в Россию.

Любимая женщина не открывала. И на все его сообщения не ответила ни слова. Ахмет набирал деревянными пальцами: «Ангела, я тебя люблю!», «Ангела, выходи за меня замуж!», «Ангела, ты самая загадочная женщина в моей жизни».

– Что он мне пишет? – обижалась Ангела. – Зачем он шлет мне свои «мэссажи»? Он что, не знает номер моего счета?

Чтобы хоть как-то согреться, Ахмет старательно вытапывал круг под окном любимой женщины. Топтался на снегу по четкой траектории, он же был инженером, станочки любил конструировать, с чертежами любил повозиться. «Хочу вот так!» – Ахмет говорил, и весь его конструкторский отдел уходил пить валерьянку. «Вы же грамотный человек, Ахмет-бей, – его пытались остановить, – вы же понимаете, есть законы физики...» «Хочу вот так! – повторял он. – А вы там думайте, как хотите, но без подснежников домой не возвращайтесь!» В общем, ничего у него круг получился, ровный, как по циркулю.

Мальчишки, которые катались на ледяной дорожке, показывали на него белыми облипшими варежками и хохотали. Ахмет не обращал на них внимания, он начал притаптывать солнечные лучи к своему кругу.

«Анжела! – думал он, подпрыгивая на месте. – Где твое сердце? Я приехал! Искал тебя в Стамбуле! Искал тебя в Анталии! Прилетел в Россию! А ты закрылась! Жестокая!»

Мимо прошла женщина с елкой. На ней был толстый пуховик с глухим капюшоном. Женщина была крупная, как Дед Мороз, и дерево ей досталось большое, разлапистое, она волокла его на плече, а еловая макушка тащилась за ней по снегу.

Женщина с елкой остановилась, посмотрела на Ахмета и крикнула мальчишкам:

– Идите домой! Нечего крутиться возле этого таджика. Он пьяный!

Мальчики побежали за елкой, оставили свой каток. Ахмет разбежался и прокатился по скользкой ленте.

Осторожно, через жалюзи любимая женщина подглядывала, как маленький замерзший человек из жаркой страны прыгает у нее под окном, катается на льду и марширует, энергично размахивая короткими, но цепкими руками.

– Серьезный человек! Фабрикант... – она вздохнула и налила себе виски. – Устроил мне тут!.. Ледяное шоу!

А жалко, ведь жалко ей было Ахмета. И к двери она не раз подходила, и рука ее правая тянулась к кнопке домофона, но левая рука правую останавливала.

– Стоп! – жестокая Анжела щелкнула холеными пальчиками. – Чем я хуже турчанок?

Русская блондинка прожила в Турции много лет и кое-чему у восточных женщин научилась. Главная хитрость турецкой женщины элементарна: если хочешь, чтобы мужчина бежал за тобой, – убегай. Иначе он никогда не будет выполнять свои великодушные обещания.

На морозе Ахмет продержался больше часа. Ни ветра, ни холода, ни рук, ни ног, ни ушей он не чувствовал. Все промерзло насквозь, и он потрусил к остановке. Испугался, что в метель, в темноте не сможет поймать такси.

В гостинице он пытался согреться, но ничего не помогало: ни сауна, ни виски. Имму- нитет, обычно сильный, с русским морозом не справился. Ахмет завернулся в два одеяла и долго ворочался. Подушки в номере были твердыми и слишком большими, простыня оказа- лась короткой и все время сбивалась, синтетический матрас касался щеки, и это было очень неприятно. Утром Ахмет встал с температурой. В Турцию, как вы уже видели, он вернулся совершенно больным.

6

В кабинете у господина Ахмета есть небольшая дверь, за ней находится маленькая комната. Там стоит удобный раскладной диван, там есть душ, туалет, шкаф с бельем, запасная одежда, холодильник и телевизор. Когда у Ахмета набирается много работы, он засиживается на фабрике допоздна и часто здесь же остается ночевать.

И сейчас, весь больной и разбитый, он сидел за столом, просматривал срочные документы и тоскливо смотрел на эту дверцу. Терпеть осталось недолго, через пять минут он подпишет бумаги и спрячется в своей норе. Одеялом укутается, глаза закроет и скажет секретарше: «Меня нет».

Прежде всего он подписал приказ о годовой премии своим сотрудникам. Высморкался со свистом и поставил автограф. Даже не вызвал бухгалтера и не подумал терзать его, как обычно: «Откуда такие сумасшедшие цифры?»

Затем Ахмет ответил украинским партнерам: «Понимаем ваши обстоятельства, сожалеем о срыве контракта, надеемся на скорейшее...»

После этого пришлось уступить русским клиентам. «Ой, да забирайте вы свои несчастные двадцать процентов!» – Ахмет согласился, он как раз и задрал свою цену, чтобы потом сделать скидку.

Когда русские приехали к нему на фабрику и одобрили товар, он, разумеется, думал, на какой цене согласиться. «Нам нужно пять минут посоветоваться», – попросили русские.

«Конечно», – ответил Ахмет и любезно предоставил им свой кабинет и секретаршу с чаем. А сам тихонько удалился за дверь, в свою потайную нору. Там у него сидела Анжела, она переводила ему все, что говорили земляки.

...А сейчас Ахмет напечатал русским письмо, в котором согласился сделать скидку, но вдруг задумался на секунду, перед тем как письмо отправить. Ведь жалко! Жалко и совсем не по-турецки взять и сразу, не торгуясь, уступить все двадцать процентов. Ахмет решительно сморкнулся и отпечатал: «В данный момент готовы предоставить вам скидку в десять процентов в связи с». В связи с чем, он уточнять не стал.

Он глотнул еще немного зеленой микстуры и набрал номер счета своей любимой женщины. Ахмет хотел, чтобы Анжела быстрее вернулась и сама его полечила – так, как умеют русские женщины, которые в детстве читались сказок про гаремы и с радостью играют в Шахерезаду.

В графе «сумма» он поставил единичку и прибавил к ней шесть ноликов. Шесть ноликов! Анжела простит ему все! Он давно обещал ей квартиру в Анталии и теперь, как честный человек...

Ахмет взглянул на эту красивую цифру с любовью и нежностью. И потрогал свой лоб. «У меня жар, – вздохнул он, – какой у меня сильный жар!»

Он выпил жаропонижающее и после этого еще раз посмотрел на нолики, ему показалось, что их слишком много. Ахмет убавил три, нет один... Нет, два. Нет, все-таки один, только один нолик он убавил и быстро отправил платеж.

Нет, он не жадный! Ахмет не жадничал. Он всегда проставляет в графе «сумма» ровно столько ноликов, сколько нужно для того, чтобы его любили. За любовь он платит всем: женщинам, сыну, сотрудникам, партнерам, официантам, таксистам, горничным... Ахмет заплатит, просто ему не хочется отдавать все свои нолики сразу. У него есть еще одна любимая восточная хитрость – не исполняя свои обещания в один день, честный человек имеет право растянуть удовольствие.

Чек для своей жены он тоже подписал, на этот раз к обычной сумме прибавил еще пять тысяч, об этом он помнил. И вроде бы все... С деньгами Ахмет разобрался и вызвал к себе секретаршу. Она увидела премиальный приказ и засияла:

– Выздоровливайте, Ахмет-бей! Да продлит Аллах ваши дни!

В ответ Ахмет громко расчихался.

– Вам стало легче! – заметила секретарша. – Ваш кашель стал намного лучше!

И накапала ему в ложку еще немного зеленой микстурки. Ахмет проглотил и отправил секретаршу в бухгалтерию.

Осталось последнее – ответить сыну. Ахмет еще раз перечитал его жестокое письмо. Он понимал, мальчишка боится получить по жбану, поэтому и пишет все эти глупости «не хочу с тобой встречаться, не вижу смысла, не люблю». На детские истерики, и на женские тоже, Ахмет не реагировал. Вот только это последнее «я тебя не люблю» его укололо. И голова к тому же болела очень сильно, особенно в том месте, где начинается шея.

Ахмет решил не мучиться и выпил обезболивающее. Он вздохнул, вытер слезы и с треском высморкался, так сильно, что даже стрельнуло в ушах. После этого он напечатал ответ, быстро, уверенно и по-турецки.

«Не люби меня, сын, – Ахмет написал, – меня не надо любить. Мной нужно пользоваться. Я сильный, я тебе еще пригожусь».

Он отправил письмо, захлопнул ноутбук и спрятался в своей потайной комнате.

Разложил диван, снял ботинки и закутался в теплое овечье одеяло. Секретарша поскреблась к нему осторожно и шепотом спросила на всякий случай:

– Вам ничего не нужно, Ахмет-бей?

Ничего ему было не нужно. Головная боль отступала, дышать стало легче, он понял – через несколько минут заснет.

Ахмет закрыл глаза и ответил секретарше больным осипшим голосом:

– Меня нет.

Малыш

Открывает Алена свой барчик – а там ничего и нету. Ни коньячка, ни текилки, ни вискарика. Бар вынесли под ноль, и в этой голой зеркальной пустоте лежит записочка.

«Алена, когда ты будешь это читать, меня уже не будет...»

«Осиротел мой барчик, – загрустила Алена и вздохнула, – эх, Малыш, Малыш...»

Малышом звали последнего парня Алены, и предпоследнего тоже звали Малыш. Так получалось в последнее время – чем старше становилась Алена, тем моложе у нее были мальчишки, и каждого она называла Малышом.

Этому, что обчистил бар, недавно исполнилось двадцать один. Малыш! Когда Алена назвала его так в первый раз, он рассмеялся. Экземпляр был выше Алены на голову, за его широкими плечами она могла спрятаться полностью. Он подхватил ее на руки, легко, как пакет из супермаркета, и усмехнулся:

– Значит, я для тебя Малыш...

– Да, – Алена с ним бодалась, – и говнюк ты еще.

Парень был моложе Алены на пятнадцать лет, и что ей было думать, когда он высадил ее последний коньячок? Ругаться на ребенка? Обижаться на шалости? Алена зевнула и включила плиту. Выпить нечего – будем варить кофе.

В соседних квартирах запели будильники, на часах было шесть утра. В это время Алена только ложилась, она работала администратором ночного клуба, поэтому режим у нее был перевернут: ночью работаем, утром – спать.

Алена понимала, что для женского здоровья такая работенка не подарок. Малыш все время говорил Алене, по десять раз одно и то же повторял: «Бросай работу! Бросай свою поганую работу! Алена, дальше так жить невозможно, нужно все поменять».

Алена уходит из клуба не собиралась, она привыкла, организм приспособился к ночному режиму, ничего она менять не хотела и объясняла это Малышу настойчиво: «Не собираюсь ничего менять! Малыш! Ну, как же ты еще не понял! Мне моя жизнь нравится». И действительно, как она могла послушать мальчишку, который к тому же опустошил ее бар и даже граммочки коньячка ей не оставил, так что пить придется голый кофе.

Алена взяла свою чашку, у нее был постоянная черная чашка для кофе. Села в кресло. Кресло осталось от бывшего мужа, очень удобное, глубокое, выбрасывать было жалко. Закурила тонкую сладкую сигарету – давно привыкла к сладким – и прочитала еще раз глупое письмо, которое оставил ей Малыш.

«Алена, когда ты будешь это читать, меня уже не будет, я уехал в Фергану. Я решил, на фига мне все это надо, лучше прыгну с моста. Пусть меня похоронят рядом с бабушкой. Прости, Ален, я выпил всю твою текилу. Виски взял с собой, потому что мне очень плохо, не знаю, как сказать тебе, чтобы ты поняла, как мне плохо. ПЛОХО! ПЛОХО МНЕ! Буду бухать всю дорогу. Ехать три дня, так что ты еще успеешь мне позвонить. Если ты позвонишь, тогда все будет нормально. А если ты не позвонишь, тогда я прыгну с моста. В смерти моей прошу не кого не винить».

– «Не кого не винить»! – Алена заметила ошибку и с отвращением сморщилась. – Научила дурака – «не» с глаголом раздельно, так он теперь везде будет ставить «не»!

После этого письма ей стало скучно до изжоги, как будто она пришла в кино и обнаружила, что фильм уже смотрела и повторять не хочется. Алена взяла письмишко и примагнитила его к холодильнику.

Холодильник у нее, как прилавок сувенирной лавки, весь в магнитах из теплых стран. Каждую зиму на свой день рождения Алена уезжает подальше, отмечает свой праздник в

отеле с чужими людьми, потом возвращается в наши холода и добавляет новый магнит в коллекцию на холодильнике.

Холодильничек у Алены веселый только снаружи, а внутри там грустно и пусто. Супчики, бульончики, домашние котлетки Алена считала баловством и обедала в кафешках. Готовить ей было некогда, но покушать она любила, тут уж ничего не поделаешь.

Когда появился Малыш, в холодильнике стало веселее. Малыш готовил, он умел делать настоящий туркменский плов. Сейчас бы после работы Алена скушала тарелочку с великим удовольствием, но, поскольку Малыша она разогнала, у нее опять началась сухомятка. Кусочек сыра, белая булка, на полминуты в микроволновку – вот тебе и завтрак.

Малыша Алена понимала, она ведь и сама была когда-то Малышом и тоже плакала, и точно так же, как Малыш, кричала: «Мне плохо! Плохо!» «С моста нет... С моста я прыгать не собиралась. – Алена припоминала смутно что-то далекое и удивлялась: – Неужели прошло столько лет? Даже смешно теперь... Неужели это я кричала «Умру без тебя! Мне плохо! Плохо! ПЛОХО!»?»

После завтрака Алена всегда ложится отдохнуть в своей темной зашторенной спальне и отключает телефон. А ей никто и не звонит с утра, все знают, до двух у Алены ночь.

И Малыш тоже спит. Малыш лежит в третьем купе на нижней полке, повезло Малышу. Он заворочался и скоро проснется от сильной жажды. Малышу снится горячий песок, целые горы сухого горячего песка, песочные карьеры за Ферганой, в которых он по детству искал золото. Малыш копает, копает, копает голыми руками и утопает в песке, песок скрипит у него на зубах, песок у него под рубашкой, и в глаза попадают колючие песчинки. Он моргает, плюется песком, ноги вязнут в рыхлом рассыпчатом месиве, а он все копает и копает. Во сне Малыш резко дергает ногой, потому что снится ему, что карьер сейчас рухнет, Малыш наступает в песок, нога проваливается в пустоту, поэтому и дергается.

Этой зимой Малыш оказался в яме в буквальном смысле, не во сне. Он целый месяц просидел в бетонной яме для осмотра машин, в мастерской у своего отца, и работал там в две смены, лишь бы не вылезать. А зачем? Что там такого интересного может быть на улице? На какие рожи ему пойти посмотреть? С кем разговаривать? Малыш не хотел никого видеть. В тот день, когда Алена ему сказала «Все, Малыш, пора прощаться», жизнь у него закончилась, и начались стандартные операции. В семь утра подъем, пописали, умылись, зубы почистил, штаники натянул, еду пожевал, маме спасибо сказал – и на работу, в яму. Ключ в руки – и гайки крутить.

Алена знала, что после их разрыва Малыш переживает. Иногда он звонил ей и спрашивал: «Ну неужели тебе меня не жалко?» «Все пройдет, Малыш», – отвечала она.

«А что он думал? – так она рассуждала. – На что надеялся? Всю жизнь порхать? Как обезьянка? Это норма вообще-то: сначала у тебя подъем, потом провал».

Клиенты заезжали на кронштейн, Малыш стоял перед машиной и показывал водителю: «Давай, давай, прямо, прямо, еще, еще». Он махал рукой, а перед глазами у него все расплывалось, слезы наворачивались неожиданно, в самый неподходящий момент. Малыш не видел, что бампер клиентской тачки в одной секунде от балки и сейчас ее точно зацепит.

Хорошо, что отец был рядом. Подходил вовремя: «Стоп! Приехали!». Девушки, те, что сидели в тачках, испуганно хватались за сердце. Они притворялись, кокетничали с отцом. Если бы хоть одна из них была похожа на Алену, Малыш бы это сразу заметил. Но после Алены все бабы казались ему страшными дурами, Малыш к ним даже не подходил, со всеми разговаривал отец:

Алена – жесть, она прикатила в сервис свою тачку, вписалась на подъемник четко с поворота и сразу заявила:

– Левая граната.

– Кто-то уже смотрел? – отец ее переспросил. – Откуда вы знаете, что левая граната?

– Я знаю.

– Давайте мы сначала все посмотрим...

– Некогда смотреть, мне завтра гнать на Сочи. – Она передала ключи и повторила: – Граната, колеса и масло.

Проверили, и оказалось, правда – у Алены полетела левая граната.

– Как догадались? – спросил отец.

– Я же слышу.

– Вот видишь, – он пошутил с Малышом, – девушка слышит, а ты не слышишь.

Алена отцу понравилась. Она его спросила, нет ли кого-то поблизости, чтобы помог отрулить полторы тысячи километров.

– Как же нету? – отец быстро сосватал ей Малыша. – Вот он, водитель. Подойдет?

– Подойдет, – согласилась она, – завтра, с вещами, в семь утра заберу.

В автосервис Алена заехала в июне, и до самого декабря у Малыша было счастье. Но вдруг зимой Алена наострила лыжи на Копанник, отмечать с чужими людьми свой тридцать шестой день рождения.

– Почему без меня? – этого Малыш понять не мог.

– Малыш, пожалуйста... – Алена не хотела объяснять, – будь умничкой, не порть мне вечер.

– Ты на съем, а я не порть вечер?

– Не груби, зая, не груби.

До поездки оставался месяц, Малыш надеялся, что успеет ее отговорить. Вот тут и обнаружилась одна проблемка. Оказалось, что время они с Аленой считают по-разному. Для Малыша декабрь – это целый месяц. У Алены декабрь – начало января. Малыш говорил: «Как же ты уедешь от меня на целых две недели?» Алена его поправляла: «Всего на две недели», планы свои она не собиралась менять.

Вот из-за этой ерунды они поссорились, поэтому Малыш и оказался на нижней полке в поезде. Он никак не мог пробудиться от кошмарного сна, ферганский карьер осыпался, завалил Малыша с головой, он пытался выбраться, сбивал ногами одеяло и плевался песком.

Предпринимал он!.. Разумеется. Малыш предпринимал попытки к примирению. Мириться пошел к Алене в клуб. Она подошла и прошипела: «Малыш, я работаю».

Малыш ненавидел эту работу. Из-за клиентов. Он понимал, люди хотят внимания, люди хотят обсудить свой досуг, и поэтому Алена присела к ним за столик. Это ведь непростые клиенты, это друзья клуба, важные люди, ФСБ или мэрия, все это Малыш понимал. Но ему показалось, точнее, он увидел, потому что в зале хотя и было темно, но Малыш не слепой, он прекрасно видел, куда этот «ВИП» потянул свои лапы. Малыш подошел и ударил клиента, припечатал его лицо в стол.

Ах, какая жалость, он подвел Алену! И подмочил репутацию всему заведению. К Малышу сразу подбежали охранники, выбросили его на улицу и там попинали немножко. «Не калечить», – Алена их попросила. Ей было некогда, она работала и поэтому не вышла посмотреть, как там Малыша «проводит» охрана.

Он повалялся, повалялся на снегу и придумал. Нет проблем: сейчас ловим мотор, срочно к Алене на квартиру, включаем газ, утром она возвращается, Малыш щелкает зажигалкой – и никуда она без него не поедет.

Ключи от квартиры Алена забрать не успела. Он сам однажды разозлился и спросил: «Ключи отдать?» Она усмехнулась: «Что, всё? Нервишки сдали?» Малыш оставил ключики, один плоский, маленький, другой ребристый, длинный, они все время были у него в кармане. Пока он тискал их пальцами, у него оставалась надежда – он сможет вернуться.

В прихожей Малыш разулся, отряхнул снег и прошел на кухню, включить газ. Газ он включил, умирать собрался, но зачем-то сунул в стиралку свои джинсы, грязные после битья ногами. Он включил машинку, открыл знаменитый Аленушкин бар, достал бутылку коньяка и пошел умирать. В спальню.

В этой спальне всегда были таинственные сумерки. Окна закрыты плотными шторами, только лампа ночная иногда включалась. Большая низкая кровать занимала почти все место, ее изголовье было отделано черной кожей, постель прикрыта мягким покрывалом в леопардовых пятнах.

Над кроватью во всю стену висели книжные полки. Наверху стояли большие иконы в серебряных окладах, а ниже книжки, книжки, книжки... Алена любила почитать перед сном сказочку, а как посмотришь, пробежишь глазами по корешкам – в жизни не уснешь, от одних названий. «Ведьмы Средневековья», «Колдовские эликсиры», «Колдуны и девы», «Полуночная ведьма», «Ведьмак-1», «Ведьмак-2», «Ведьмак-3»... Вся эта мистика стояла аккуратненько под иконами. Там же, среди бесячьей литературы, была коллекция мягких игрушек. Котята, зайки, мышки...

Когда Малыш попал в эту спальню впервые, все это показалось ему очень смешным. – Маленькая девочка... – он улыбался, – и черти, и зайки у тебя на одной полке стоят. Алена взяла ушастую рыжую зверушку, самую старую и затрепанную из всей коллекции.

– Знаешь, сколько лет этой мыши? – она показала ее Малышу. – Побольше, чем тебе! Мне подружка подарила, в третьем классе.

Малыш разглядывал игрушку. Мышь как мышь, как она вообще могла сохраниться, не потеряться за столько лет? У Малыша никаких раритетов не было, потому что его семья постоянно переезжала, раньше отец был военным. В детстве Малыш ломал игрушки и потом в лицо их не помнил, книжки брал в библиотеке, друзей из старой школы забывал и легко заводил новых. Алена была первой привязанностью, которую он захотел удержать.

У стены напротив кровати стояло трюмо, и на нем толпились флакончики с духами, духи Алена любила терпкие, сильные, почти мужские. Этот запах был и в постели, Малыш со временем тоже стал пахнуть этими духами, и сейчас он их чувствовал, запах газа уже доносился из кухни, но духов еще не забил.

Черные простыни, черные шторы, черные книжки, черные стрелки Алена себе рисует... Вамп, здесь живет женщина-вамп, все об этом говорило. Но ведь была еще и рыжая мышь, были иконы и старые фото в деревянных рамках, а там Алена с бантами в шелковом платье с карандашиками... Двойное дно, маскарад – это показалось Малышу интересным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.